

16+

Алина Зелицкая

ТРОФЕЙ ИМПЕРАТОРА

Издательство «АСТ»

Хроники Драконьей империи

Алина Углицкая

Трофей императора

«Автор»

2018

Углицкая А.

Трофей императора / А. Углицкая — «Автор»,
2018 — (Хроники Драконьей империи)

ISBN 978-5-532-08419-3

Драконы. Гордые, свирепые существа, тысячи лет назад облюбовавшие Сумеречную Гряду. Никто не знает, откуда они пришли и зачем, но теперь они правят миром. Никто не может противостоять их могуществу, никто не может перечить их праву. Но даже у самых сильных из них есть свои слабости. Юная принцесса Валенсия оказалась слабостью самого императора. И теперь должна поплатиться... В оформлении обложки использовано фото с сайта [periodimages](http://periodimages.com). Дизайнер Сильвия Лайм

ISBN 978-5-532-08419-3

© Углицкая А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	47
Глава 10	52
Глава 11	56
Глава 12	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Алина Углицкая

Трофей императора

Пролог

Она была там. За стеной.

Ждала его. И боялась.

Он чувствовал ее нервозность и неподдельный страх. Представлял, как она мечется по его спальне, теребя завязки своей рубашки. Как кусает полные, чуть влажные губы...

С первой встречи ему хотелось попробовать эти губы на вкус! И он не стал себя останавливать. Сколько еще они будут снится ему и манить?

Но сейчас все закончится.

Сейчас он узнает правду.

Роннар рывком схватил со стола кубок, наполненный игристым вином, и залпом опрокинул в себя. Но прохладный напиток не остудил огонь, бушевавший внутри. Наоборот, подхлестнул его, словно кто-то плеснул масла на уже затухавшие угли.

Взгляд дарга упал на стол, на котором лежала бумага с гербовой печатью. Это была запись допроса, которую передал ему дознаватель. Всего несколько строк, от которых веяло кровью и предательством.

По губам Роннара скользнула усмешка. Циничная, мертвая. Его пальцы сжались на кубке, сминая черное серебро словно картон.

А ведь прошлой ночью он назвал эту женщину своей женой перед лицом предков. Он, Повелитель Сумеречной Гряды, Владыка Алмазного клана, правитель Драконьей империи. Он был уверен, что нашел ту, которая разделит с ним его жизнь, имя и власть.

И что же теперь?

Бумага, лежавшая на столе, все изменила. Слова, написанные каллиграфическим почерком дознавателя, были пропитаны ядом, и этот яд сейчас разъедал изнутри его душу.

Выругавшись, он отшвырнул прочь погнутый кубок, и тот покатился по мраморным плитам, отбивая траурный марш.

Император поднялся. Он больше не собирался ждать. Он хотел получить ответы.

И он их получит.

Волна ледяного воздуха сорвалась с его пальцев, ударила в дверь, заставляя ту с грохотом распахнуться, и понеслась дальше, оставляя на полу морозный узор. Но сам Роннар не торопился переступить через порог собственной спальни. Остановившись в дверях, он разглядывал ту, что стала причиной его гнева.

У высокого окна, скрытого тяжелой занавесью, стояла хрупкая, бледная девушка. Ее белокурые волосы были зачесаны вверх, открывая беззащитную шею, такую тоненькую, что он смог бы переломить ее двумя пальцами. Сорочка из тонкого шелка песочного цвета ниспадала до самого пола, скрывая изгибы фигуры и в то же время будоража воображение.

Роннар почувствовал, как во рту пересохло, а в груди, там, где билось сердце, что-то заныло.

Его невеста.

Принцесса Валенсия.

По крайней мере, именно так значилось в договоре, который он заключил с ее отцом.

Его взгляд прошелся по лицу девушки, отмечая тонкие черты, чуть вздернутый нос, испуганные глаза, окаймленные густыми ресницами. И задержался на губах.

Девушка сделала шаг назад. Ей в поясницу уперся подоконник. Она вцепилась в него непослушными пальцами и нервно облизнула губы.

Роннар ощутил, как наливается плоть.

О, его так называемая невеста хороша. Даже слишком. Но она не та, за кого себя выдает. Он не чувствует с ней единства. Только чисто мужскую реакцию.

– Владыка Роннар... – пролепетала она. – Я... я не ждала вас так рано...

Конечно же, не ждала.

Даже не взглянув в сторону огромной кровати, приготовленной слугами к брачной ночи, он прошел через спальню. Молча ухватил спинку кресла, выдвинул из-за секретера на середину комнаты и опустил в него. И только потом произнес:

– Раздевайся.

Его голос прозвучал жестко и холодно.

Девушка растерянно заморгала.

Ее руки несмело скользнули вверх, к единственным завязкам, удерживавшим сорочку на шее.

– П-простите, мой император...

– Я сказал, раздевайся, – повторил Роннар, тяжело роняя слова.

Он должен дать ей последний шанс. Потом он загладит свою вину, если окажется, что его невеста чиста перед ним. Но если донос окажется правдой...

Лицо девушки вспыхнуло румянцем стыда.

Что ж, с императорами не спорят...

Она опустила ресницы, скрывая набежавшие слезы.

Наивная, неужели думала, что он будет с ней нежен? Конечно же, будет, если сейчас она убедит его в том, что та бумага на его столе – клевета.

Девушка закусил губу. Непослушными пальцами ухватила завязки и потянула. А потом уронила руки безвольными плетями. Шелк скользнул вниз, упал к ее ногам и растекся легким облачком, открыв взору мужчины девичье тело.

Роннар молчал. Он смотрел на идеальную, молочно-белую кожу, и его взгляд постепенно темнел, наливаясь холодной яростью.

На виске императора вздыбилась черная вена. Пальцы вцепились в подлокотники кресла с такой силой, что дерево треснуло, рассыпаясь на щепки.

Но он продолжал сидеть и смотреть, и под его уничтожающим взглядом девушка сторбилась, съезжилась, стала как будто меньше. Краска стыда залила ей шею и грудь...

Наконец, удовлетворенный увиденным, Роннар хлопнул в ладоши.

Шевельнулась портьера, скрывавшая вход в соседнее помещение. И из-за нее показался молчаливый слуга.

Вздвогнув, девушка подхватила сорочку. Она хотела прикрыться, но тяжелый взгляд императора пригвоздил ее к месту.

А когда он заговорил, ее охватило оцепенение.

– Тарк, передай этрурцам, что я оценил их шутку, – произнес он без всяких эмоций. – И теперь хочу видеть настоящую принцессу Валенсию.

– Слушаюсь, мой повелитель, – хранитель императорской спальни сдержанно кивнул, подтверждая, что понял приказ. – А что делать с этой?

Он даже не глянул на девушку.

Губы Роннара раздвинула мстительная усмешка:

– Отдайте ее солдатам.

Глава 1

Летний вечер дышал прохладой и ароматом жимолости, вьющейся вдоль балюстрады вперемешку с диким виноградом. Валенсия любила это время суток за его безмятежность, за обещание, которое таилось в закатных огнях. Маленькой, она часто убегала от нянек и неугодных сестер, чтобы спрятаться на балконе и любоваться, как на бархатном небе Этрурии зажигаются звезды

Но здесь, над Сумеречной Грядой, небо было иным. Чужим, неприветливым и надменным. Ленси не смогла найти ни одного знакомого созвездия, хотя стояла, задрав голову, пока шея не онемела. Да и тучи висели здесь слишком низко, почти задевая своими краями зубцы башен Ирригенского замка.

Балконная дверь за ее спиной была слегка приоткрыта. Ветер играл краем гардины, то трепал ее, как игривый щенок, то подбрасывал вверх и доносил голоса сестер, бурно обсуждавших завтрашнюю церемонию. Еще бы, Бал Невест в Ламаррии бывает раз в двадцать лет.

Только раз в двадцать лет таинственная страна, где правят драконы, открывает свои ворота. И тогда сотни дев, достигших брачного возраста, съезжаются туда со всех окрестных земель, чтобы попытаться счастья и стать избранницей одного из даргов, как они сами себя называют. Дарги живут долго, очень долго, но своих женщин у них давно уже нет. Кто-то говорит, что это наказание, которое послали им боги. Кто-то, что это признак вырождения расы. Вот и ищут они пару среди человеческих дев.

Только не всякая дева подходит драконам, не всякую дарг назовет своей суженой.

А этот Бал Невест и вовсе будет особенным. Сам император Роннар решил принять в нем участие. А царственному жениху положено царственную невесту.

Вздыхнув, Валенсия потерла озябшие руки. Ее предупреждали, что на Сумеречной Гряде холоднее, чем в долинах Этрурии, но она даже не представляла насколько.

Или это страх перед завтрашним днем заставляет ее кожу покрываться мурашками?

Она не знала. Ей хотелось отвлечься от мрачных мыслей, но возвращаться к сестрам желания не было. Особенно если учитывать, что эту ночь придется провести в компании Лидии – самой старшей и самой настырной, которая и так всю дорогу допекала нравочениями.

Уж лучше сбежать потихоньку, пока никто не увидел, да немного пройтись, подышать свежим воздухом.

Тем более что где-то у главной башни должен быть сад с каменными фонтанами в виде статуй морских драконов. Ленси видела его еще днем, из окна дирижабля, когда сопровождавший принцесс ньорд приказал капитану совершить лишний круг, дабы царственные гости смогли насладиться красотами Ирригена с высоты птичьего полета.

Для Ленси и ее пяти сестер это был первый полет на воздушном транспорте, вот уж страху они натерпелись! Но воспитание не позволило выдать эмоции, пришлось сжать свой страх в кулаке и с прямой, как палка, спиной взойти на борт по хрупкой на вид, металлической лесенке.

Она помнила, как села на отведенное место – узкое кресло, оббитое бархатом, и крепко зажмурилась, заставляя себя дышать медленно и глубоко. Рядом нервно переговаривались сестры, в сотый раз спрашивая у ньорда, насколько этот транспорт безопасен. Закатывали глаза, угрожая хлопнуться в обморок, дули друг другу в лицо, обмахивались платочками, подносили к носу едкую нюхательную соль. Где-то в хвосте, отдельно от них, от страха вскрикивали служанки и вполголоса бормотали молитвы.

Снаружи дирижабль представлял собой гигантский аэростат вытянутой, каплевидной формы, под которым крепилась легкая на вид лодочка с застекленными окошками. Изнутри вся конструкция выглядела хрупкой и ненадежной, но никаким другим транспортом преодо-

леть бурное Аранейское море было попросту невозможно. Самые мощные корабли разбивались о рифы, не пройдя и половину пути. Поговаривали, это результат древней магии, которой дарги когда-то давно отгородились от внешнего мира.

Как бы там ни было, имперский ньорд выдал каждой из будущих невест по маленькой круглой пилюле синего цвета. Он сказал, что это лекарство от воздушной болезни, а заодно и хорошее успокоительное для сиятельных льер. Ленси до сих пор ощущала на языке ее мятный, насыщенный вкус, хотя прошло уже много часов.

Подойдя к краю балкона, девушка перегнулась через балюстраду и глянула вниз.

Там, у подножия замковых стен, раскинулась каменистая пустошь, затянутая вечерним туманом. Сквозь туман пробивались красноватые блики костров, зажженных в честь Бала. Слышался рокот мужских голосов, перемежавшийся гортанным смехом, звон бокалов, скрежет металла. Дарги тоже готовились к празднику.

Разогнувшись, Валенсия окинула взглядом острые пики скал, отливавшие багрянцем на фоне закатного неба. Сейчас они были похожи на пылающие факелы, а все из-за слюдяных отложений, покрывавших их склоны. В гладкой, отполированной природой поверхности, отражались то солнце, то луна, придавая безжизненным скалам феерический вид.

– Во всем этом есть какая-то особенная, завораживающая красота. Тебе так не кажется?

Девушка вздрогнула, когда рядом с ней неожиданно раздался голос сестры.

– Дель, ты меня напугала...

Дельфина – третья по старшинству из шести принцесс Этрурии – хмыкнула, набрасывая кружевную мантилью из шерсти этрусских коз на плечи сестре.

– Мы уже идем спать, – она зевнула, прикрывая ладошкой рот. На безымянном пальце блеснуло кольцо с вензелем королевского Дома Этрурии. Такое кольцо было у каждой принцессы. – Все устали. Завтра будет тяжелый день.

– Я хочу побыть здесь еще немного.

– Как хочешь, – Дель пожала плечами. – Смотри, чтобы Лидия не ругалась. Она сегодня вся как на иголках.

– Нервничает.

– От этого брака зависит и наша судьба, и всего королевства. Мы все нервничаем. А ты разве нет?

Ленси слабо улыбнулась сестре:

– Я стараюсь не думать о том, что будет завтра. Ведь еще и сегодня не кончилось. – Немного помолчав, она добавила, но уже тише: – Как думаешь, кого из нас выберет император?

Этот вопрос мучил ее с тех пор, как отец объявил о своем решении заключить династический брак с Владыкой Сумеречной Гряды. В его понимании это был единственный способ спасти Этрурию от смены династии. В маленьком королевстве давно назревала буря, ведь у короля Фабиана и королевы Кассандры не было сыновей, а дочери по закону не могли претендовать на престол. Король был простым человеком, и ему уже стукнуло шестьдесят. Народ требовал, чтобы он назначил наследника, но единственным претендентом на трон оставался герцог Феликс Тилезский, его младший брат. Он давно точил зубы на трон, понемногу стягивая войска у границ. Оставался единственный выход – породниться с сильным соседом, который сможет взять Этрурию и ее королевский Дом под свою опеку.

Таким соседом оказалась Ламаррия – драконья империя, простиравшаяся через весь материк от Сумеречной Гряды до Аранейского моря. И, как раз кстати, ее правитель искал жену...

Дельфина несколько минут молча глядявалась в пламенеющие багрянцем пики. Потом, не глядя на сестру, сухо бросила:

– Кого бы он ни избрал – это наш единственный шанс. Завтра мы узнаем, кто из нас вернется домой, а кто останется здесь навсегда.

Она ушла, оставив Валенсию стоять на балконе. К этому времени последний луч солнца мигнул и пропал, замок затих, погрузился в ночную дрему. Погас свет в окнах, смолкли громкие голоса, звон и бряцанье. Даже ветер улегся, перестал шелестеть листвой. И тем явственнее стали нежные, мелодичные звуки, доносившиеся откуда-то из самого сердца замкового двора.

Ленси прислушалась.

Кто-то играл в темноте на кифаре. Мелодия была незнакомой, но легкой и приятной, она текла, словно река, обволакивая и проникая в самое сердце. А потом к ней присоединился мужской баритон – низкий, рокоchущий, с глубокой бархатной ноткой, от звуков которого по коже девушки побежали мурашки. Он пел на драконьем языке, которого Ленси не знала, но слова таинственной песни вплетались в мелодию как ленты в косы лесной кельфи.

И девушке вдруг нестерпимо захотелось увидеть неведомого кифарда.

Она немного постояла, сомневаясь в правильности того, что собиралась сделать. А потом переступила порог балкона и осторожно, стараясь не издать ни звука, закрыла за собой стеклянную дверь.

Теперь предстояло так же осторожно, чтобы не разбудить сестер, покинуть покои.

В Ирригене девушек поселили в апартаменты из трех спален, выходящих в одну гостиную, где сейчас и стояла Валенсия, прижав руки к груди и пытаясь справиться с участившимся дыханием. Днем ее поразили огромные комнаты с лепными потолками, мозаичные стены, мраморные полы – такого великолепия давно не было в их родном замке. А роскошная мебель из тика и розового дерева, украшенная драгоценными инкрустациями и филигранной резьбой, похожей на тонкое кружево? Каждый предмет был произведением искусства чуждой, таинственной расы.

Но все это было днем, а сейчас Ленси на цыпочках прокралась к входной двери. И уже сжала пальцы на серебряной ручке в виде морды единорога, как за ее спиной скрипнула дверь, ведущая в одну из спален.

– Валенсия? – хриплый спросонья голос Лидии заставил девушку замереть. – Ты куда собралась?

Ленси попыталась слиться с темнотой.

– Эм-м... в уборную, – выдала она первое, что стукнуло в голову.

– Ясно, – раздался громкий зевок. – Ты б еще дольше сидела, звезды считала.

Тихий шорох оповестил, что Лидия захлопнула дверь. Ленси постояла еще немного, пока не услышала, как заскрипела кровать, принимая в свои объятия тело старшей принцессы. И только потом позволила себе облегченно выдохнуть.

От легкого толчка дверь гостиной приветливо распахнулась, Валенсия перешагнула порог и оказалась в хорошо освещенном коридоре, упирившемся в широкую каменную лестницу. Сквозь высокие арочные окна сюда заглядывал звездный свет, а вдоль стен крепились светильники из синих кристаллов, горевшие ровным, холодным светом.

В коридоре царила мертвая тишина, путь был свободен.

Подобрав юбки, Ленси начала спуск по лестнице, и чем ниже она спускалась, тем ближе становился загадочный голос, переплетавшийся с музыкой в единое целое. Он был еле слышен, но от этого не стал менее чарующим. Песня, которую он выводил, напоминала тонкое кружево: звуки то сплетались воедино, то расходились, то взлетали ввысь, чтобы оборваться резким крещендо, то опускались до невесомого рокота, который пробегал дрожью по венам.

На улице ее встретили тишина и прохлада.

– Эльха Пресветлая, что же я делаю? – пробормотала девушка, кутаясь в шерстяную мантию.

Если кто-то увидит ее здесь и доложит, то скандала не избежать. Младшая принцесса Этрурии шастает по ночам в императорском замке!

Таинственный голос здесь слышался четче, к звукам кифары присоединился хрустальный плеск фонтанов. Он манил, завораживал, пробуждал странные, непонятные ощущения, от которых кружилась голова и слабели ноги, а низ живота наливался тягучим теплом.

Уже не думая ни о чем, кроме желания увидеть певца, Валенсия шагнула с крыльца на аллею сада.

Какое-то время она бездумно шла, ориентируясь только на звук. Но вдруг пение смолкло, и девушка, вздрогнув, словно очнулась от глубокого сна.

Оглядевшись, она поняла что стоит у каменной кромки пруда, посреди которого возвышается скульптура морского дракона – тот самый фонтан, который она заметила еще днем. Гигантский каменный змей свил свое тело в мощные кольца. Луна серебрила чешуйки, выгравированные неизвестным мастером с особой любовью, а красные камни в глазах дракона мерцали, словно живые. Из разинутой пасти, задранной к небу, била струя воды, возносясь высоко вверх и рассыпаясь на миллионы прозрачных капель.

Это было так странно...

Девушка могла бы дать руку на отсечение, что песня раздавалась отсюда. Но сейчас возле пруда не было ни души, если не считать ее саму. Неужели это действительно происки лесных кельфи? Эти проказницы любят зачаровывать путников, заводят в свои дебри, чтобы потом похитить разум и душу...

Подчиняясь внезапному порыву, она опустилась на каменный бортик пруда и окунула пальцы в прохладную воду.

– На вашем месте я бы не стал этого делать.

Глава 2

Тихий голос прошелестел, словно ветер в листве. Он заставил девушку резко вскочить.

Оглянувшись, она увидела тень, напоминавшую мужской силуэт. Кто-то стоял в нескольких шагах от нее, скрываясь в густой листве. Лунный свет освещал очертания высокой фигуры, но лицо незнакомца оставалось в темноте.

Мужчина стоял на довольно приличном расстоянии, не делая ни малейших попыток приблизиться. И все же Валенсия невольно сделала шаг назад.

– Кто вы? – ей хотелось надеяться, что голос не дрогнул. – Что вы здесь делаете?

Девушке показалось, что незнакомец слегка усмехнулся.

– Этот вопрос я хотел бы задать и вам.

Ленси прищурилась, окидывая мужскую фигуру напряженным взглядом.

Высокий, широкоплечий. В простом черном камзоле и бриджах того же цвета, заправленных в сапоги. Горло повязано белоснежным платком – единственным светлым пятном во всей его темной фигуре. Да еще вокруг петлиц отливают серебром галуны. Слишком простое одеяние для благородного льера. Скорее всего, это чей-то оруженосец или слуга. И он тоже ее рассматривал, совершенно не стесняясь.

Девушка на секунду задумалась.

Сказать, что она принцесса Этрурии и не обязана отчитываться перед первым встречным? Нет, это слишком чревато. Если папеньке донесут о ее ночных похождениях, он исполнит свою угрозу. Сначала высечет розгами, как секут непослушных мальчишек на заднем дворе, а потом запрет в башне на целый год!

Ох, лучше остаться инкогнито, тем более что и таинственный незнакомец не спешит себя называть.

Но пока девушка размышляла над тем, как назваться, мужчина снова заговорил:

– Ты не похожа на служанку, и я тебя здесь раньше не видел. Значит... – он задумчиво потер подбородок, и Ленси услышала треньканье струн. Только тогда она разглядела «рожки» кифары, торчавшие у него за плечом. – Ты одна из тех дев, что прибыли в замок на Бал. Уже присмотрела себе симпатичного дарга?

Девушка недовольно поджала губы.

Да кто он такой, чтобы «тыкать» ей! Принцессе Этрурии!

Она уже набрала побольше воздуха в легкие, чтобы поставить нахала на место, но в последнюю секунду проснувшееся благоразумие успело захлопнуть ей рот.

– А ты тот кифард, чье пение мешает мне спать, – буркнула она не слишком любезно.

– И потому ты бродишь одна в темноте по незнакомому саду? Смелая дева.

В тоне мужчины звучала насмешка. Он явно потешался над ней, словно бы не заметив ее фамильярности. Значит, и вправду слуга. Благородный льер уже бы поставил на место, напомнив о том, как следует обращаться к высшему сословию.

Закусив губу, Валенсия запахнула мантилью на груди и стиснула ее концы в кулачках. Да, она была принцессой, которую с рождения учили повелевать, но здесь в темноте, в чужой стране, в незнакомом саду, наедине с мужчиной, который может таить опасность, она была всего лишь беззащитной девушкой восемнадцати лет.

Легкий ветерок мазнул по ее спине, поиграл выбившимся локоном и понесся дальше, ероша траву.

– Вы не представились, – напомнила она, медленно отступая в сторону аллеи. – И почему это мне не стоит опускать руку в воду?

Но мужчина будто не слышал. Он вдруг сделал шаг в ее сторону, и лунный свет упал на его лицо, освещая резкие скулы и нос с горбинкой, присущие всем даргам. В его глазах, сейчас казавшихся темными, как сама ночь, не было ни намек на веселье. Густые брови сошлись к переносице, тонкие губы были стиснуты в бледную линию, а на скулах и вдоль висков по направлению к шее серебрились чешуйки.

– Стой! – произнес он почти беззвучно. – Не двигайся.

В его тоне прозвучала такая внутренняя сила, что Валенсия тут же застыла, будто кролик перед удавом. Она даже дышать перестала. Только сердечко продолжало стучать, как безумное, и каждый удар отдавался в висках, точно удары кузнечного молота по наковальне.

Расширенными глазами она смотрела, как он приближается к ней.

Значит, все эти сказки о драконьем воздействии вовсе не сказки? Они и вправду могут заморозить...

Эльха Пресветлая, о чем она только думала! Столкнуться с одиноким даргом в темном саду глупее, чем перепутать благородного льера с безродным слугой! У них свои законы, своя мораль, а запах девственности для них все равно, что кровь для вампира...

Между тем мужчина пересек разделявшие их жалкие метры и остановился чуть ближе, чем позволяли правила хорошего тона. Ни слова не говоря, он коснулся ее подбородка, и девушка, подчиняясь беззвучному приказу, запрокинула голову.

Теперь он возвышался над ней, как скала. Темный, загадочный и очень опасный. Эта опасность окружала его невидимым, но хорошо осязаемым облаком, словно королевская мантия, наброшенная на плечи. А еще поразительная сила. Не физическая, хотя она тоже чувствовалась в очертаниях его мощной фигуры.

Крылья тонкого носа затрепетали, дарг шумно вдохнул, и Ленси поспешно опустила ресницы. Ее взгляд скользнул по камзолу, машинально отмечая высокое качество сукна. От него исходил легкий аромат парфюма. Он напомнил ей запах древесного мха, нагретой солнцем травы и выделанной кожи. Одновременно теплый, пряный и благородный.

Нет, этот дарг был далеко не простым...

– Глупо, очень глупо с твоей стороны, маленькая льера, – прозвучало над ее ухом. И девушка вздрогнула, невольно вскидывая взгляд на лицо говорившего. – Нельзя бродить одной по ночам там, где гнездятся драконы. Разве тебе об этом никто не сказал?

От этих слов, сказанных низким, чувственным голосом, ноги Ленси ослабли. Она покачнулась, инстинктивно ища опору, но мужчина не дал упасть. Одно движение – и она оказалась в кольце его рук. Еще мгновение – и лицо незнакомца оказалось так близко, что его глаза заслонили весь мир.

Не было сил ни оттолкнуть его, ни закричать.

Где-то на задворках сознания мелькнула беспомощная мысль: никто не придет к ней на помощь, никто не защитит, если этот дарг захочет сейчас позабавиться. Он просто убьет любого, кто осмелится встать на пути, будь она хоть трижды принцесса! Потому и закрыта Ламаррия от незваных гостей, отделена морем и рифами от всего остального мира, и лишь раз в двадцать лет Драконья империя открывает врата, а особый императорский указ гарантирует неприкосновенность девиц, прибывших на Бал Невест.

– Я... я... – она зажмурилась, призывая на помощь всю свою волю. – Вы не имеете права! Моя безопасность на время Бала гарантирована императорским указом!

Кольцо рук немного ослабло.

– Ах, да, – произнес мужчина с нескрываемым сожалением. – Этот дурацкий указ. Давно пора внести в него некоторые поправки.

Ленси с удивлением поняла, что наваждение рассеялось, она снова может ясно мыслить и реагировать на происходящее. А потому, упершись ладонями в грудь незнакомца, с яростью прошипела:

– Может, отпустите меня, наконец, милостивый льер!

– Конечно, – он легко согласился. – Но не раньше, чем узнаю, какова ты на вкус.

Она не успела сообразить, что это значит. Твердый рот накрыл ее губы, и те невольно поддались под внезапной атакой. Язык мужчины скользнул по ее зубам, силой заставляя раскрыться, и проник вглубь.

Это произошло так внезапно, что Валенсия растерялась. Никогда прежде ни один мужчина не осмеливался прикоснуться к ней поцелуем! А это был поцелуй дракона, исполненный древней магии.

Разум девушки окутал легкий дурман, земля качнулась и перед глазами все поплыло. Чувствуя жар мужского тела, который передался и ей, она поняла что падает, падает, падает в темноту...

Эльха Пресветлая, что же она творит...

Не помня себя, Ленси слабо цеплялась за плечи мужчины. Непослушные пальцы соскальзывали, сердце билось, как сумасшедшее, кровь шумела в ушах, перекрывая все звуки. Воздуха не хватало. Она задыхалась, а поцелуй все продолжался, угрожая стать бесконечным. Дарг терзал ее рот, пил дыхание и, казалось, не мог насытиться. Было что-то пугающее и вместе с тем бесконечно притягательное в жажде, которую он все не мог утолить.

Наконец, он от нее оторвался. Отступил, тяжело дыша и сверля странным взглядом, в котором не было ни намека на страсть. Холодным и расчетливым.

Ленси, не чувствуя ног, опустилась на бортик пруда. Ее всю колотило, словно от холода, она зажала ладошкой рот и уставилась на мужчину затравленным кроликом.

– Иди, – произнес он резко и сухо, будто она в чем-то перед ним провинилась. – Пока я не передумал и не нарушил закон. Завтра на Балу...

Он не договорил. Ошеломленная, в полном смятении, девушка встала, держась за бортик дрожащей рукой. Ее голос тоже дрожал, когда она гневно выдохнула:

– Вы его уже нарушили! Император Роннар вас покарает! Вы осмелились посягнуть на принцессу Этрурии!

Ей показалось, что в глазах мужчины взметнулись искры, но она их проигнорировала и демонстративно вытерла губы тыльной стороной кисти.

Дарг нагнулся, внимательно вглядываясь в ее пылающее лицо. Потом перевел взгляд на руку, где предательски блесло кольцо с вензелем.

– Так значит, ты дочь короля Фабиана? – процедил он, сверля злосчастный перстень таким взглядом, словно хотел расплавить металл. – Что ж, это все упрощает.

Он заложил руки за спину и едва слышно свистнул.

Ленси не успела даже удивиться, как из-за ближайших деревьев выступила новая тень.

– Кларенс, эта дева отныне под твоей личной защитой, – произнес дарг, обращаясь к новоприбывшему. – Отвечаешь за нее головой. Проводи Ее Высочество в покои, выделенные императорским невестам, и проследи, чтобы она не заблудилась по дороге.

Щеки Ленси, ее шею и грудь заливал гневный румянец. Глаза метали молнии, руки дрожали от желания вцепиться в эту слишком спокойную физиономию. Да как он посмел?!

Но...

Она же принцесса. Где ее воспитание?

В глубине души царапнуло воспоминание об отцовском предупреждении. Папенька не хотел отпускать ее в эту поездку, зная безрассудный характер дочери и ее умение влипнуть в нелепые ситуации. Самая младшая, самая любимая, самая избалованная. Слишком часто ей все прощалось, сходило с рук и не несло последствий. Но в этот раз, похоже, от розог не отвертеться.

Если отцу донесут!..

Ленси гордо вскинула голову и расправила плечи. Потом с видом истинной королевы кивнула тому, кого дарг назвал Кларенсом, и направилась к аллее, по которой пришла сюда. Она услышала, как дарг вдохнул ее запах, но даже не оглянулась.

– Скоро увидимся, – прошелестело так тихо, что она на секунду подумала, будто этот шепот раздался у нее в голове.

«И не надейтесь», – хотелось ей бросить. Но она сдержалась в последний момент. Хватит, уже натворила дел. Теперь расхлебать бы...

Провожатый шел следом, ступая бесшумно, как кошка. Невысокий, гибкий и молодой, почти юноша. Его фигуру скрывал длинный плащ, а из-под полы торчал эфес шпаги – признак благородного льера. Он старался держать расстояние, но в то же время девушка чувствовала спиной его внимательный взгляд.

Когда вдалеке показалось светлое пятно, означавшее выход из сада, Ленси, не выдержав, оглянулась.

– Дальше я сама, – произнесла она резче, чем ей хотелось.

Мужчина молча остановился. Но когда она продолжила путь, он так же молча двинулся следом.

– Вы меня слышали? Мне не нужна охрана!

– Приказ.

Всего одно слово, сказанное почти без эмоций.

Ленси сжала кулачки в бессильной ярости.

– Ах, да, как я забыла! Вы так и будете тащиться за мной до самой кровати?

Судя по его лицу – будет. Кем бы ни был дарг, отдавший приказ, но этот мужчина вознамерился исполнить его в точности.

Это было уже слишком, даже для такой своенравной девицы, как Ленси.

Гневно фыркнув, девушка развернулась и, подхватив юбки, бросилась к башне, темнеющей вдалеке. Задыхаясь от бега, она влетела на каменное крыльцо, юркнула в приоткрытую створку тяжелой двери и, только тогда, оказавшись у подножия лестницы, выдохнула с облегчением. Прижалась спиной к стене и закрыла глаза, слушая, как колотится сердце.

Дома, в Этрурии, никто не осмелился бы так с ней поступать! Но этот наглый дарг...

– Так-так-так, а вот и наша Валенсия. Нагулялись, Ваше Высочество?

Знакомый голос, раздавшийся так неожиданно, заставил девушку замереть. Холодея, она приоткрыла глаза.

В трех шагах, на ступеньках лестницы стояли все ее пять сестер. В ночных рубашках, простолодые, кутаясь в наброшенные на плечи традиционные шали. И смотрели на нее хмуро, с явным осуждением. Только в глазах самой старшей, Лидии, Ленси увидела настоящий триумф.

– Я так и знала! – произнесла та с нескрываемым удовольствием. – Не стоило брать тебя в эту поездку. Ты позоришь королевскую кровь!

Глава 3

Твердые шаги Владыки эхом разносились по этажу. Рейна прислушалась и хмыкнула: раздражен. Интересно, что на этот раз разъярило Повелителя Ветров?

Ну, что бы это ни было, она сумеет остудить его пыл.

Всегда умела.

Наверное, потому и задержалась в его спальне на целых пять лет.

Прищурившись, она повернулась к зеркалу, занимавшему пролет между двумя окнами в императорской спальне, и провела рукой от горла вниз, по тонкому шелку сорочки, не скрывавшему ни полной груди с торчащими сосками, ни крутых бедер, ни темной развилки между ними. Сочные губы женщины разъехались в предвкушающей улыбке.

Рейна Анхаллен была красива и прекрасно это осознавала. Красива темной, завораживающей красотой, чувственной и порочной, которая сводит мужчин с ума. Ее тело было создано для наслаждения, губы для поцелуев, а в глазах всегда таилась сладкая поволока. Это была женщина-яд, женщина-желание. Воплощение страсти. И умело пользовалась тем, что дали ей боги.

Недаром же столько лет согревала постель императора и его холодную кровь.

Хотя, надо признать, иногда Роннар мог быть даже очень горячим. Особенно, если его разозлить.

Вот и сейчас волна ярости и раздражения неслась впереди него, заставляя дрожать стекло и вибрировать камень.

Облизав губы, Рейна развязала ленту на горле и спустила сорочку с плеч. Потом подхватила со столика серебряную вазу с медовыми ягодами и забралась на кровать. Она улеглась так, чтобы из-под серебристых мехов выглядывали аппетитные округлости, и хорошо отработанным жестом поднесла одну из ягод к губам.

Она едва ее прикусила, как двери спальни распахнулись настежь. Створки ударились о стены, отскочили и жалобно затрещали, но удержались на бронзовых петлях.

Рейна притихла, не сводя взгляд с мужчины, который возник на пороге. Сладкий, душистый сок капнул ей прямо на грудь.

Роннар застыл в дверях. Будто наткнулся на невидимую преграду. Втянул в себя воздух, пропитанный восточными благовониями и запахом доступной женской плоти.

– Рейна? Что ты здесь делаешь? – бросил зло.

В глазах дарга бесновалась тьма, то и дело вспыхивая алыми искрами. Таким Рейна его еще не видела. Похоже, эта ночь будет жаркой.

Отмерев, она с привычной ленцой поднесла к губам еще одну ягоду, держа за тоненький хвостик, и провела языком по ее гладкой поверхности.

– Как что, мой император, – мурлыкнула, и в ее глазах сверкнуло приглашение. – Разве я не должна быть здесь, чтобы унять ваш пыл?

Несколько секунд Роннар молча смотрел на любовницу. Внутри бушевала буря. Ярость свивалась в жгуты, душила, то вспыхивая жгущими искрами, то хлеща, как северный ветер. И все из-за собственной глупости. Не сдержался! Не понял, кто перед ним. Хотел позабавиться над глупой девчонкой...

– Не сегодня, – прокрипел, переступая порог. – И не завтра. Планы изменились, Рейна. Удивленная, она приподнялась на локте.

Дарг прошел к зеркальному бару, плеснул в высокий бокал искрящийся напиток и залпом его осушил. Потом развернулся. Но на этот раз его глаза были прозрачными, как хрусталь. В них царило ледяное спокойствие.

– Рон... – Рейна нахмурилась. – Что происходит?

Его лицо слегка потемнело, но голос остался спокойным и даже прохладным:

– Иди к себе. Завтра ты должна покинуть Ирриген. Навсегда.

– Что? Почему? – губы женщины задрожали, в глазах мелькнуло непонимание. – Если это из-за будущей свадьбы, то ты говорил, что она никак не повлияет на наши отношения!

– Все изменилось.

– Изменилось? Что изменилось? – она поднялась с постели и сделала шаг к нему. – Я осталась такой, как прежде.

Роннар смотрел, как она приближается, ступая босыми ногами по мягкому меховому ковру. Как ее руки скользят вдоль тела, обрисовывая чувственные изгибы. Вот она приподняла пышную грудь, вот коснулась сосков, вот провела ладонями вниз. Его взгляд следовал за ее руками, словно прикованный.

Но, странное дело, прежнего желания не было. Эта женщина больше не прельщала его.

Рейна была совсем близко. Она протянула руку и коснулась его лица. Аромат медовых ягод, которые она только что ела, коснулся обоняния дракона. И тот фыркнул, сбрасывая наваждение.

В глазах императора вспыхнул лед.

Он спокойно отвел ее руку, держа за запястье.

– Я изменился, – произнес тихо, но твердо. – И я не прошу, Рейна. Это приказ.

Ее губы на секунду сжались в узкую полоску, в глазах мелькнуло предупреждение. Мелькнуло – и тут же пропало. Лицо женщины расслабилось.

– Что ж, кто я такая, чтобы оспаривать ваш приказ, мой император, – произнесла она с легкой улыбкой. – Надеюсь, вы дадите мне время проститься с друзьями?

Он отпустил ее руку.

– Да. И ты заслужила хорошие отступные.

– Мне не нужны отступные, мой император. Но... Могу я узнать, кто она?

Ее бархатный пеньюар лежал на кресле возле кровати. Роннар молча поднял его, молча накинул на плечи той, что пять лет принимала его в себя, гасила лишний огонь и дарила наслаждение.

Рейна завернулась в пурпурный бархат, уже понимая, что он не ответит.

Когда двери императорской спальни закрылись за ее спиной, красавица резко вдохнула, умиряя обиду и гнев. Хвала Темному Халлу, у нее хватило сил не сорваться! Хватило сил выйти с гордо поднятой головой.

Добравшись до своих покоев, она упала плашмя на кровать и несколько минут рыдала, давая выход той злости, что душила ее изнутри. Наконец, поднялась. Скинув одежду, шагнула в купальню под прохладные струи. Вода отрезвила, вернула ясность ума. И в глазах Рейны появилась сосредоточенность.

В будуар она вернулась собранной и практичной. Обнаженная, с блестящими на коже капельками воды, села за столик, накрытый узорчатым кружевом, придвинула поближе шкапулку из слоновой кости. Среди множества украшений, хранившихся в ней, Рейну сейчас интересовало только одно. Возможно, самое важное.

На вид это был обычный браслет, сделанный в виде гладкого обруча и украшенный единственным камнем. Но Рейна знала, что это не так. За внешней простотой и непритязательностью скрывалось еще кое-что.

Она надела неброское украшение и нажала на камень.

Воздух в комнате моментально сгустился, стал почти осязаемым. Появились белесые струи, похожие на туман. Они поднимались от пола вверх, сплетались в единое целое, меняли очертания, пока перед Рейной не образовался мужской силуэт, сотканный из тумана. Силуэт качнулся, и на плоском пятне, заменявшем ему лицо, сверкнули глаза.

– Зачем ты меня звала, Рейна Анхаллен? – голос звучал как из трубы, измененный амулетом связи и расстоянием.

– Приветствую, Ваша Светлость, – женщина откинулась на спинку кресла, без всякого стеснения демонстрируя грудь. – Вы приказывали докладывать обо всех изменениях. Так вот, сегодня Владыка выставил меня из спальни и приказал завтра же покинуть замок.

– Хм. И чем ты его так прогневила?

– Не я. И дело не в гневе. Мой приворот не подействовал на него, хотя я пыталась. Вам известно, что это значит.

Ослепленный яростью, Роннар смахнул со стола пустой бокал. Тот рухнул на пол и разлетелся вдребезги. Звон разбитого стекла перекрыл гневный рык. Рев дракона отразился от стен кабинета, скрытых за книжными стеллажами, заставил откликнуться древние камни и расплескался по мраморным плитам пола, прикрытым коврами.

Одна из стен дрогнула, словно отвечая на гнев хозяина, и сошла с привычного места.

– Владыка? – из-за портьера, скрывавшей тайный вход, показалось хмурое лицо. – Я услышал твой зов.

Роннар оглянулся на друга. Точнее, это был больше чем друг, если только дарги из правящего клана вообще способны на дружбу.

Фаэрт Ли Танарис из клана Рубиновых драконов – его молочный брат, его личный телохранитель, его неотступная тень, и он всегда доверял ему как себе. Узы, которые связывали этих двоих, не были кровными. Но от этого они были не менее крепкими.

Сам Роннар принадлежал к клану Алмазных, самых крупных и самых сильных, но в то же время и самых вспыльчивых из всех существующих.

Этот клан веками правил Ламаррией, но право на трон не передавалось по наследству. Претенденты сражались за него, не на жизнь, а на смерть. Проигравшие погибали. Победитель получал абсолютную власть. А вместе с ней и тяжелую ношу – ответственность за империю.

– Да, я звал тебя, брат, – выдохнул Роннар, выталкивая слова так, будто это были комки смолы, застрявшие в горле. – Возникла проблема.

Фаэрт опустил глаза, и Роннар проследил за его взглядом. Хмыкнул и разжал пальцы, покрытые сверкающей чешуей. Мраморный край стола, превратившийся в крошку, осыпался вниз.

– Вижу, – сдерживая эмоции, констатировал молодой человек. – Кого я должен убить?

Он прошел в спальню, мельком покосившись на россыпь стекла, которая еще недавно была хрустальным бокалом. И остановился, ожидая указаний.

По лицу Роннара скользнула болезненная гримаса. Его темная половина встрепенулась, почуяв слабинку, и в глазах императора снова вспыхнули искры.

– На этот раз никого, мой друг. Все гораздо сложнее. И проще. – Он откинул упавшую на глаза прядь волос, прошел к креслу и жестом пригласил Фаэрта занять второе. – В замке находится альхайра.

Рубиновый с минуту молчал, переваривая услышанное. Потом медленно повторил:

– Альхайра... Она из тех дев, что прибыли на Бал?

Роннар мрачно кивнул.

– Гхарровы яйца! Ну, ничего, ты все равно собирался посетить этот Бал. Запах такой кучи девственниц отвлечет...

Владыка остановил его резким взмахом руки.

– Это ничего не изменит, – произнес он сквозь зубы. – Ты забываешь, что я заключил сделку с королем Этрурии, а мое участие в Бале всего лишь дань нашим традициям. Я не могу

присутствовать там в качестве жениха. Брак с одной из принцесс формально уже состоялся. Договор лежит у меня на столе, осталось только вписать туда имя... Любое из шести.

– Так в чем дело?

– Эта альхайра одна из них. Мой дракон почуял ее и вкусил...

ФаэРН тихо выругался. Обыскал взглядом зеркальные полки, ища, чего бы выпить покрепче. Его руки немного подрагивали, когда он откупоривал бутылку из темного стекла. Огненная жидкость обожгла горло молодого дарга.

– Темный Халл... как же так вышло?

– Наверное, боги решили меня наказать, – Роннар пожал плечами с беспечностью, которой не ощущал. – В конце концов, однажды это должно было случиться.

– Кто она? Кто из шести?

– Я не спросил. Не до этого было. У меня едва хватило сил, чтобы сдержать оборот. – Голос Владыки наполнился горечью. – Глупая, она пришла на мой зов.

– Ты...

– Да, я пел. Что ж, теперь уже поздно что-либо менять. Девчонка откликнулась, я услышал ее так же ясно, как слышу тебя, и не сдержался. Даже больше, я почти не понимал в тот момент, что творю. Было только одно желание – обладать. Сделать ее своей прямо здесь и сейчас.

Рубиновый снова выругался. На этот раз мысленно, но не смог скрыть эмоций. Его пальцы с хрустом сжались на горлышке бутылки, и толстое стекло пошло мелкими трещинами.

– Это плохо, – пробормотал он. – Альхайру нельзя брать в жены, нельзя вводит в дом. Она сделает тебя слабым, уязвимым. А ты не имеешь на это права. Не сейчас, когда с границ приходят дурные вести.

– Я знаю. Но если откажусь от нее...

– ...то утратишь контроль над драконом, – закончил ФаэРН глухим голосом.

– Как видишь, выбора нет. Ты сам это знаешь.

– И что же теперь?

Пожав плечами, Роннар поднялся. Прошел к стрельчатым окнам, уходящим к высокому сводчатому потолку, украшенному искусным орнаментом. И встал напротив, вглядываясь в ночное небо.

Он смотрел на луну.

– Завтра на Балу я узнаю, как ее зовут. И впишу это имя в брачный договор. Это лучшее, что я могу сделать.

За его спиной повисла тревожная тишина.

ФаэРН понимал, что он прав. Что другого выхода нет. Потому что сам был драконом.

Они всегда имели слабость к человеческим девственницам. Их манил аромат невинной плоти, причем от внешности девы ничего не зависело. К прекрасным, утонченным эльфийкам дарги были абсолютно равнодушны. Как и к представительницам других рас, населяющих этот мир.

Только в человеческой девственнице дракон, живущий в каждом из них, мог учуять пресловутую «искру», означавшую, что эта дева способна понести от него и подарить клану здоровое и сильное потомство. На Балу Невест мужчины Ламаррии выбирали именно таких, тех, в ком пылает «искра».

Но были среди человеческих дев и другие, те, что слышали тайный драконий зов.

Если дева откликнулась на него – значит, она альхайра. Драконье сокровище. Самое ценное, самое вожделенное. Дороже золота и серебра.

Почуяв альхайру, дракон уже не способен думать о чем-то другом. Его разум затмевает желание обладать, присвоить себе эту женщину, спрятать от всех. Если нужно – украсть. Охранять ценой собственной жизни. И даже убить ради нее, если придется.

Человеческий разум не способен совладать с этой жадой. Темная половина гораздо сильнее. Для такого дракона стираются рамки приличий, законов, морали. Он уничтожит любого, кто встанет между ним и его сокровищем.

Единственный способ уберечь себя от безумия – это избегать любого контакта с альхайрой. Не касаться ее руки, не вдыхать ее запах. Не смотреть на нее. И ни в коем случае не целовать.

Поцелуй альхайры – это печать, связывающая две души. Для дракона и дар, и проклятие. Они оба знали об этом.

– Я познал ее вкус и уже не смогу отпустить, – бесцветно проронил Роннар.

– Ты ей скажешь?

– Постараюсь, чтобы она никогда не узнала. Мне не нужны интриги. Просто женюсь на ней и запру.

– Наверно, ты прав. Так будет лучше всего.

Роннар развернулся к Рубиновому и качнул головой.

– Отправляйся в донжон и найди Кларенса. Он был со мной в саду, и я приказал ему доставить девчонку в ее покои. Наверняка он все понял.

– Если это так, то его нельзя оставлять...

– Да, свидетели мне не нужны. Свяжи его обетом молчания и отправь на Западный кордон. Там как раз сейчас жарко. У орков пора брачных игр.

– Слушаюсь, мой император.

Фаэрт скрыл облегченную улыбку. Он ожидал, что Роннар прикажет убить беднягу, чтобы избавиться от нечаянного свидетеля своей слабости. Он на его месте так бы и поступил. Но Владыка был мудр и умел управлять своими эмоциями. Если бы не это, он вряд ли бы смог укротить ветра и стать императором.

Оставшись один, Роннар начал мерить спальню размашистыми шагами. Было уже далеко за полночь, но спать не хотелось. Жар, пробужденный поцелуем альхайры, до сих пор бродил в его жилах, словно молодое вино. И все мысли, вольные и невольные, были о ней. О девушке с серебристыми волосами, такими светлыми, что они казались продолжением лунного света.

Стоило лишь забыться, и он, как наяву, видел ее лицо: изящные черты, тонкие брови, большие глаза, прозрачные, словно два голубых бриллианта чистой воды. Это была та невинная, трогательная красота, которая неизменно пробуждает в мужчине инстинкт защитника, желание обладать ею и охранять. Хрупкая, невесомая, словно сотканная из света и облаков.

А Роннар был не просто мужчиной. Он был драконом.

Так и прекрасная незнакомка оказалась не просто невинной девой. Она оказалась альхайрой. И если он не получит ее, то вскоре сойдет с ума.

Глава 4

Когда Валенсия проснулась, солнце уже стояло в зените, а из гостиной раздавались веселые девичьи голоса. Сестры что-то обсуждали, не скрывая эмоций, и взрывы их смеха звенели переливами серебряных колокольчиков.

Ленси приподнялась на локте. Приготовленное платье висело в изножье на спинке кровати. Напротив стоял изящный секретер с гнутыми ножками, а над ним висели часы с золотыми гирьками в виде еловых шишек. Узорчатые стрелки показывали двенадцать часов.

Полдень! Ее никто не удосужился разбудить, хотя если платье есть, значит, горничная приходила.

Это могло означать только одно – сестры объявили бойкот.

Она рывком отбросила одеяло и поднялась, ища босыми ногами тапочки. Потом подбежала к зеркалу, наспех собирая в пучок длинные волосы.

В голове быстро прокручивались события вчерашнего вечера и ее позорное возвращение с неурочной прогулки. Молчаливое осуждение сестер, их заспанные, хмурые лица, недовольство, застывшее в глазах. И полный злорадства голос Лидии.

Девушка даже не сомневалась. Это старшая из принцесс разбудила всех остальных и заставила ждать на лестнице, чтобы она, Ленси, прочувствовала всю глубину своего недостойного поведения. Но это все ерунда по сравнению с тем, что ждет ее дома...

Если Лидия наябедничает отцу, тот вряд ли обрадуется, что младшая дочь вела себя как непотребная девка. Ночью, без сопровождения покинула башню, бродила по чужому саду, слушала незнакомого кифарда и...

Целовалась с даргом!

Валенсия застыла, вглядываясь в свое отражение. Стыд, страх и то лихорадочное состояние, что она тогда испытала, отразились в ее глазах, сделав зрачки такими огромными, что за ними исчезла радужка. Щеки в одно мгновение вспыхнули маковым цветом, жар охватил лицо, плечи, грудь. И где-то внизу живота разлилось уже знакомое, приятное томление.

Стыдясь собственных ощущений, Ленси на секунду прикрыла глаза.

Удивительно, она не могла припомнить его лицо. Зато помнила пронзительный взгляд, голос, от которого в ее теле дрожала каждая жилка, прикосновения сильных рук. И губы. Одновременно властные и нежные, жадные и осторожные, твердые и податливые. Словно закаленная сталь, завернутая в нежнейший шелк.

Она помнила жар его тела, прижимавшегося к ней, и твердость плеч, за которые цеплялась, чтобы не упасть. Помнила аромат парфюма, изысканный, тонкий, он вскружил ей голову раньше, чем поцелуй. А вот лица незнакомца не помнила. Оно было словно в тумане.

Ленси не могла описать своего ночного соблазнителя, но была уверена: если столкнется с ним, то сразу узнает.

Она поплескала себе на лицо из серебряного ручномойника, чтобы остудить пылающую кожу, и тихонько вздохнула.

Негоже принцессе думать о незнакомце. Негоже испытывать грязные чувства! Тем более, когда решается судьба ее королевства. Лучше пойти, попросить прощения у сестер, повиниться и клятвенно пообещать больше такого не делать. Авось Лидия сжалится и не станет писать отцу.

Если уже не написала.

Но отсидеться в спальне тоже вряд ли получится. Хотя такая мысль и мелькнула.

Повздыхав, Валенсия переделалась в приготовленную служанкой одежду. Хвала богам, корсеты, фижмы и парики остались в прошлом веке, так что ей не пришлось долго мучиться.

Дневной наряд принцессы состоял из батистовой нижней рубашки, украшенной тончайшим кружевом, пышной юбки, коротких штанишек и верхнего платья.

В Этрурии правила приличия были очень строги к незамужним девицам, даже если это принцессы. А мода предписывала девушке быть похожей на нераспустившийся бутон: свежей, невинной и юной. Так что вход шло все: тонкие, воздушные кружева, струящиеся ткани, летящие фасоны, и, конечно же, пастельные цвета.

Дневное платье Валенсии соответствовало всем этим правилам: муслин бледно-розового цвета, глухой воротник и длинные рукава, пышные на плечах и сильно сужающиеся к запястьям. Спереди два десятка мелких пуговок из розового жемчуга, такие же пуговики вдоль рукавов до самых локтей. А единственным украшением служила узкая лента благородного пурпура, который резко контрастировал с нежным цветом платья.

Волосы Ленси зачесала вверх, тщательно подобрав локоны, и подхватила их лентой. Но несколько коротких прядок остались кокетливо виться вокруг лица. Насупившись, она смочила их водой и с нажимом пригладила к голове.

Каждое утро младшей принцессы начиналось с борьбы с волосами. И каждое утро победа была не на ее стороне. Она знала, что влага на волосах скоро высохнет, и непослушные пряди снова будут торчать, придавая фривольный вид, недопустимый в ее положении.

Закончив, девушка придирчиво осмотрела себя. Потом постаралась придать лицу нужное выражение, показывающее всю степень ее покаяния, мысленно прочитала молитву Эльхе Пресветлой и тихонько приоткрыла дверь в гостиную.

Ее накрыло новым взрывом смеха, ворвавшимся в образовавшуюся щель.

– Любая принцесса спит и видит себя королевой! – она услышала резкий голос Лидии и осторожно выглянула в гостиную.

– Или императрицей, – выкрикнул кто-то из сестер. – Чего уж мелочиться в желаниях?

– А хоть и императрицей! Отец сказал, что брачный договор уже составлен. И он здесь, в этом замке. Его привез с собой королевский поверенный за день до нашего появления. Осталось только вписать имя невесты. И та, что сможет заинтересовать императора, сама станет императрицей. Вы только вдумайтесь, как это звучит, – ее голос внезапно сменил тональность, плечи расправились, острый подбородок дернулся вверх. – Императрица Лидия Мудрая!

И снова принцессы покатались со смеху.

Они расположились на двух низких софах, окружавших кофейный столик, и наслаждались цветочным чаем из изящных фарфоровых чашечек, таких маленьких, что они легко уместились бы в девичьем кулачке. На столике высился серебряный чайный набор, украшенный гравировкой: пузатый чайничек, вазочка с ароматным вареньем и широкая тарелка с воздушными пирожными.

Ленси невольно сглотнула, втягивая запах угощения. До обеда еще три часа, вот они и лакомятся полуденным чаем, как предписывает придворный этикет Этрурии.

В этот момент Лидия строго взглянула на сестер поверх тонкой золотой оправы очков. Она всегда носила эти очки, уверенная, что они придают ей вес в глазах окружающих. Хотя все знали, что со зрением у нее все в порядке.

– Не вижу ничего смешного! – произнесла она назидательным тоном. – Особенно в нашем положении. Этот Бал наш единственный шанс спасти королевство, и я не преувеличиваю! Нам вообще повезло, что император решил жениться. Если хотя бы одна из нас сможет заинтересовать императора, то мы все будем спасены. Или хотите, чтобы дядя Феликс занял трон Этрурии, а нас сослал в монастырь?

Лидия осмелилась высказать то, о чем думали все. Девушки больше не смеялись. Стыдливо опустив глаза, они тщательно делали вид, будто нашли что-то интересное на дне своих чашек.

Первой шевельнулась Валенсия. Открыла дверь шире, привлекая к себе внимание, и замерла на пороге.

Пять пар глаз, как по команде, обратились в ее сторону.

– А вот и наша спящая красавица, – хмыкнула Лидия, оглядывая младшую с ног до головы и обратно. – Слышала я, что ночные прогулки способствуют крепкому сну. Но не думала, что настолько, чтобы спать до полудня!

В ее словах звучали и насмешка, и превосходство.

– Ли... – Ленси не смела перечить старшей сестре. Тем более сейчас, когда действительно ощущала себя виноватой. – Прости. Я совершила глупость, но обещаю...

– Мне не нужны твои обещания, – отрезала Лидия. Поставив недопитую чашку на столик, она глянула на Валенсию с неприкрытым презрением. – Ты нас только позоришь. Я умоляла отца оставить тебя во дворце, но он не внял моим просьбам. Утром я доложила ему о твоём неподобающем поведении. И уже получила ответ.

Валенсия сжала руки, ожидая свой приговор. Она видела, как в серых глазах старшей принцессы сверкнуло удовлетворение, когда та громко и четко произнесла:

– Ты не идешь на Бал, сестричка. Ты сегодня же возвращаешься домой!

Это всегда было так. С самого детства. Лидия ее недолюбливала. Не говорила прямо, но вскользь, намеками, взглядами, жестами давала понять, что считает младшую сестру виновной в смерти матери.

А Валенсия не могла взять в толк почему.

Разве она виновата, что родилась? Виновата, что выжила? Что отец, безумно хотевший сына, заставлял супругу рожать каждый год, невзирая на предупреждения лекарей и целителей?

Пока однажды не услышала разговор двух служанок.

Он перевернул все ее представление об этом мире, об окружающих людях, и о ней самой в первую очередь.

Тогда она поняла, что дело не в матери. И не в Лидии. Дело в ней. В том, что она не такая, как ее сестры. Иная.

Испуганная и ошеломленная, она побежала к няне в поисках защиты и объяснений. Но та лишь прикрикнула на нее, чтобы не смела подобное даже думать, не то что вслух говорить. И в тот же день служанки, чей разговор Ленси подслушала, бесследно исчезли из дворца. Со временем тот случай стерся из памяти, но привычная тревога охватывала девушку каждый раз, стоило ей глянуть в зеркало.

– Горничная уже собрала твои вещи, так что задерживаться не придется, – голос старшей сестры вывел ее из оцепенения. – А имперским ньюрдам приказано сообщить, что ты захворала.

– Я могу пообедать? – спросила, тихо ломая пальцы.

– Разумеется, – Лидия величественно кивнула, как заправская королева. – Пообедаешь – и вперед. А то еще отцу нажалуешься, что мы его любимицу голодом морили.

Ленси закусила губу, но смолчала. Хотя очень хотелось выкрикнуть, что ни разу не жаловалась. Ни тогда, ни сейчас...

Валенсия бросила беглый взгляд на сестер, пытаясь понять, что они думают. Но те сидели как на поминках, избегая встречаться глазами.

Так было всегда.

Наконец, одна из них примирительно произнесла:

– Чай будешь? – и немного подвинулась, освобождая место рядом с собой.

– Спасибо, Фло, – Ленси послала ей смущенную улыбку и поспешила воспользоваться предложением.

Сидевшая напротив Дельфина, под неодобрительным взглядом старшей сестры, тут же протянула ей свободную чашку.

– Попробуй пирожные. Местный повар просто волшебник!

И тут же остальные сестры загалдели, пытаясь загладить неловкость, возникшую после слов Лидии.

Валенсия старательно улыбалась, слушая их милые шутки, но руки предательски подрагивали, когда она подносила чашку к губам.

Как всегда, ее сестры сидели по старшинству, инстинктивно заняв тот порядок, в котором появились на свет.

Лидии, самой старшей из них, к этому времени уже исполнилось двадцать три. В таком возрасте девушки Этрурии давно уже нянчат детей и ведут хозяйство в доме супруга. Но старшей принцессе не повезло. Жених, за которого ее сосватали еще в детстве, умер, не дожив до пятнадцати лет. Свадьба не состоялась, но кронпринцесса, по каким-то ей одной известным причинам, продолжала носить траур и отказывать другим женихам.

Впрочем, их было не так уж и много, учитывая, что женитьба на принцессе Этрурии не давала права на трон.

Сильвия – вторая по старшинству – обладательница роскошной гривы, которую ее камеристка каждое утро укладывала в немыслимую прическу и украшала живыми цветами.

За ней шла Дельфина – худощавая, с выступающими ключицами и узкими плечами. Единственная, кому очки действительно были нужны, но она принципиально отказывалась их носить.

Дальше следовали двадцатилетние двойняшки Даная и Флора. Кудрявые, быстроглазые и смешливые.

И все сестры были очень похожими друг на друга.

Все, кроме младшей.

Постепенно разговор снова вернулся к брачному договору.

– Странно все как-то, – пробормотала Сильвия. – Зачем императору вообще этот брак? Он ведь уже был женат!

– Он овдовел пять лет назад, – сухо напомнила Лидия. – Видимо, Владыка уже оправился от потери.

– Или хочет наследника.

– Его жена умерла от родовой горячки. Но был ли младенец – никто не знает. Дарги не любят делиться личными тайнами.

– А я слышала, что ее отравили! – добавила Флора заговорщицким шепотом, делая огромные глаза.

– И кто говорит?

– Мне Ирма сказала, – Флора пожала плечами, упоминая личную горничную. – Говорит, в Ирригене все об этом шепчутся по углам, да вслух сказать боятся. Мол, Владыка тогда всех ньюрдов, всю личную гвардию на ноги поднял. Перевернули столицу с ног на голову, но виновных так и не нашли. Но с тех пор он обитает здесь, в Ирригене, а в императорский дворец ни ногой.

Девушки переглянулись.

– Да, что-то такое и я слышала... – подала голос Даная, задумчиво хмуря лоб.

– Меньше слушай сплетни служанок! – одернула Лидия. – Дельфина, а ты чего молчишь? Или тебе не интересно, почему император Роннар надумал снова жениться?

– Нет, не интересно, – пожала плечами Дельфина. – И замуж я не спешу, даже ради титула императрицы.

– Это почему же, позволь узнать?

– Вряд ли императрицам позволено заниматься науками и преподавать.

– Все еще мечтаешь вернуться в Академию?

– Да, все еще надеюсь получить от папеньки разрешение. А брак поставит крест на моей мечте.

Она замолчала, давая понять, что вопрос исчерпан.

Валенсия знала, что Дельфина никогда не стремилась к замужеству ни в каком его виде. Как и остальные принцессы, она закончила Высшую Академию Этрурии, но, в отличие от сестер, не желала вести праздную жизнь, занимаясь благотворительностью в ожидании мужа. Ей хотелось вернуться назад, в Академию, на кафедру Небесной механики, только на этот раз в качестве преподавателя.

– А ты, Ленси? – неожиданный вопрос Сильвии заставил ее оторваться от мыслей и поднять затуманенный взгляд на сестру. – Что скажешь? Хочешь стать императрицей?

– Теперь это уже не важно, – она уткнулась в чашку, избегая пронзительного взгляда Лидии. Ее щеки окатило знакомым огнем. Все это время мысли Валенсии были о ночном незнакомце, и сейчас она вспыхнула, будто пойманная на месте преступления. – Да и вряд ли Владыка выбрал бы меня. По сравнению с вами, я просто моль. Даже папенька говорит, что я немного не удалась...

Ее голос затих, перейдя в легкий вздох.

Все принцессы, начиная от Лидии и заканчивая Данаей, были высокими, стройными девушками с вьющимися золотисто-каштановыми волосами и яркими чертами лица. Темные брови, алые губы, карие глаза в обрамлении черных, как смоль, ресниц...

А что же она? Слишком маленькая, слишком бледная, слишком хрупкая. Тонкая, прозрачная кожа, которая по любому поводу вспыхивает жаром румянца. Почти бесцветные волосы, а вместе с ними и брови, и ресницы. И при этом настолько светлая радужка, что мало кто осмеливается заглянуть ей в глаза.

На фоне своих ярких сестре она казалась голубкой, случайно залетевшей в стаю райских птиц. Или тенью, бледным подобием.

– Ну, это же он любя, – улыбнулась Дельфина. – К тому же, как говорят, «с лица не воду пить»! И вообще, у тебя красивые глаза. Странные, но красивые. Если бы ты послушалась Сил и научилась пользоваться косметикой...

– Ты же знаешь, что я не могу, – тихо перебила Валенсия. – У меня аллергия.

– Ох, ну точно, не удалась.

– Хватит, – оборвала Лидия, поднимаясь. – Я хочу прогуляться перед обедом. Говорят, в Ирригене прекраснейший сад и фонтаны.

И снова Ленси почувствовала, как ее щеки пылают.

Да, в Ирригене прекрасны не только сад и фонтаны. В нем есть еще кое-что...

Глава 5

Звонкие голоса неслись в раскрытое окно, переплетались с журчанием фонтанов, отвлекали, не давали сосредоточиться. Заставляли Владыку хмуриться, недовольно покусывать кончик пера, которым он уже несколько минут выводил на гербовой бумаге бессмысленные вензеля.

Но дело было не в девичьем смехе, долетавшем с улицы, и не в навязчиво-сладком аромате жасмина, принесенном ветром из сада.

Дело было в другом.

Мысли, занимавшие его целую ночь, и сейчас не давали покоя.

Альхайра.

Во мнимом спокойствии и безмятежности этого слова таилась угроза. Алмазный дракон чувствовал в воздухе ее отголоски так же, как дикие звери чувствуют приближение стихийного лиха.

Бросив перо, Роннар поднялся. Решительно пересек кабинет, с намерением захлопнуть окно, и застыл, едва положив руку на створку. Немигающий взгляд дарга впился в стайку юных дев, облюбовавших открытую террасу рядом с фонтанами. Отсюда он видел только их узкие спины да затылки, прикрытые шляпками. У всех, кроме одной.

Она стояла отдельно, возле фонтана, задумчиво глядя, как солнце играет в серебряных струях. Яркие лучи освещали ее легкую, воздушную фигурку, делаю похожей на сказочную фею. Они наполняли сиянием выбившиеся из гладкой прически пряди волос, и от этого казалось, будто лицо девы окружено ореолом.

– Владыка?

Голос Фаэрна привел его в чувство.

Роннар моргнул, сбрасывая наваждение. И вдруг понял, что все это время не мог дышать от того, что какая-то неизвестная сила сжала его сердце в железных тисках.

– Это она, – хрипло выдохнул он, не сводя глаз с фигурки у фонтана. – Альхайра.

Драконий инстинкт подсказал это еще до того, как осознал человеческий разум.

Рубиновый подошел и тихо встал рядом.

– Узнать, как ее зовут? – предложил, незаметно разглядывая императорских невест.

– Не стоит. Всему свое время.

Он сам узнает ее имя. Вечером, на Балу. Пусть это пока останется тайной, так будет проще и для него, и для нее. Ведь она, глупая, даже не ведает, что происходит.

ФаэРН легонько откашлялся, привлекая его внимание.

– Я сделал, как ты сказал. Кларенс ничего не заподозрил, но я связал его обетом и отдал в распоряжении Западного полка. Сегодня вечером они выступают.

– Отлично, – обронил Роннар, не отрывая взгляда от той, что отныне была его самой ценной наградой и наказанием.

– И еще. – Рубиновый замешкался, собираясь сообщить нечто малоприятное. – Рейна. Ты ее видел?

– Приходила. Просила, чтобы я позволил остаться, – Владыка в упор глянул на друга. – Но ей лучше уехать.

– Она остановила меня в приемной, буквально бросилась в ноги, умоляя поговорить с тобой. Сказала, что уедет и не станет тревожить, если ты ей позволишь остаться на Бал.

– Нет. Я не меняю своих решений.

ФаэРН склонил голову, услышав в тоне брата железные нотки.

– В столицу уже прибывают первые невесты.

– Это хорошо. Надеюсь, их будет достаточно.

Бросив последний взгляд на фонтан, Роннар решительно захлопнул окно.

– Ты должен сделать еще кое-что, – произнес сухо, почти без эмоций, глядя прямо перед собой. Но от Фаэрна не скрылось, как лицо Владыки подернулось болезненной судорогой. – Ты знаешь, о чем я. Сейчас самое время, пока большинство моих подданных будут заняты поиском пары.

– Да, мой император. Но сколько еще...

Тот жестом заставил его замолчать.

– Пока не найду тех, кто посмел.

Фаэрн покачал головой:

– Столько лет прошло. Вряд ли мы их найдем.

– Найдем, – губы Алмазного раздвинула улыбка, от которой Рубиновый похолодел. – Я чувствую, они где-то близко. Трусливо прячутся по углам, выжидают. Но я не хочу, чтобы мой... – он резко оборвал себя на полуслове. В потемневших глазах вспыхнуло пламя. – Не хочу, чтобы хоть кто-то, кто дорог мне, снова стал мишенью. Я поклялся над гробом Присциллы, что не допущу этого. Даже ценой собственной жизни.

– Я знаю, – почти прошептал Фаэрн, глядя, как на застывшем лице императора выступает алмазная чешуя – признак сильных эмоций, которые тот пытался сдержать за внешним спокойствием. – Я тоже там был. Можешь рассчитывать на меня.

– Только на тебя, – сделав внезапный шаг, Роннар сжал плечо брата, и тот, поддаваясь порыву, сделал ответный жест. – Не подведи!

Они оба знали, о чем идет речь. Но есть вещи, о которых нельзя говорить вслух даже в пустой комнате. Даже если ты точно уверен, что рядом нет никого, кто может подслушать. Потому что слова причиняют боль. Бьют по самому слабому. По тому, что хочется спрятать от всех, сохранить в тайне даже от себя самого.

Есть слова, что лежат в душе мертвым грузом.

Есть вещи, о которых лучше молчать. И помнить. Потому что пока помнишь, продолжаешь жить дальше.

Опустив руку, Роннар глянул на стол. Будто вслед за его взглядом солнечный луч скользнул по голубому сукну, заиграл на золотых вензелях, украшавших гербовую бумагу, и замер на запечатанном тубусе, лежавшем чуть в стороне от остальных документов.

– Возьми его, – Владыка указал взглядом на тубус. – Там все, что потребуется.

– Послание будет? – тут же деловито осведомился Фаэрн, пряча тубус в поясную сумку.

– Нет. Никаких посланий. Ты сам знаешь, что передать.

Они обменялись красноречивыми взглядами, прекрасно понимая друг друга без слов.

Фаэрн покинул императорское крыло в приподнятом настроении. По крайней мере, в этом были уверены все, кто встретился у него на пути.

Он заглянул на кухню, где всю шла подготовка к предстоящему балу. Позубоскалил с молоденькими служанками, пощупал за бока дородную Грейту – главную кухарку, чем вызвал негодование этой достойной дамы. Получил от нее мокрой тряпкой по шее и под шумок стащил из кадушки пару моченых яблок.

А потом, насвистывая незатейливый мотивчик, направился к загонам ездовых инкардов – бескрылых ящеров, которых разводили только в Ламаррии.

Там он собственноручно оседлал одного из них и вывел под уздцы.

– Далеко ли собрались, милостивый льер? – прикрываясь рукой от солнца, пробасил старый смотритель императорских «конюшен».

– Через три дня вернусь, – важно бросил Фаэрн, забираясь в седло. – Хочу родственников поведать.

– А что же это вы, никак Бал пропустить решили? Али не готовы жениться?

– Рановато еще. Я и пятидесяти годков-то не отгулял. А вот ты, отец, женат ли?

– Ну, я-то в ваши годы уже дедом был, внуков нянчил, – поскреб старик польсевший затылок.

– Сколько ж тебе сейчас?

– Шестьдесят.

Фаэрт не сдержался, присвистнул, покачав головой. Мало, мало люди живут. От того и дарги стараются не привязываться к своим человеческим женам. Зачем? Разве чтоб больше было смотреть, как та угасает, больше терять. На одну драконью жизнь приходится три человеческих.

Потом бросил блестящую монетку в морщинистую ладонь:

– Держи, на гостинцы внукам.

Он уже выезжал в распахнутые ворота, оставляя за собой клубы поднятой пыли, а старый слуга так и стоял, бормоча ему вслед молитву, охраняющую в пути.

Оставшись один, Роннар вернулся к документам. Но сосредоточиться на делах не давали тревожные мысли. Они продолжали крутиться вокруг разговора с Фаэртом.

Рубиновый прав. Сколько еще он будет кормить старых призраков? Сколько еще будет винить себя в том, что случилось?

И тут же сам себе ответил: пока не найдет виновных.

А виновные есть, он в этом уверен.

Пусть придворные маги и лекари пытаются доказать, что смерть Присциллы была случайной, он в это не верил тогда, не верит сейчас и никогда не поверит.

Его жена была молодой, цветущей и жизнерадостной. Дочерью одного из князей, чьи владения располагались на границе с Ламаррией. Да, он не испытывал к ней каких-то особенных чувств, но всегда держался предельно вежливо и обходительно. Не обижал. Он выбрал ее в матери будущему наследнику, взял на себя ответственность за ее жизнь и здоровье.

И не справился.

Резкий хруст заставил его очнуться.

Роннар перевел взгляд на руки. Пальцы покрыла алмазная чешуя, на кончиках заострились острые когти, и эти когти легко, словно соломинку, переломили золотое перо.

Помянув гхарра, он отбросил остатки.

Хватит. Пора с этим кончать. Лучше подумать о внезапно обретенной альхайре.

Да и обретенной ли?

Ведь дева ни сном, ни духом не ведает, кто она для него. Больше того! Она так и не поняла, кто он.

Эта мысль вызвала у Владыки ироничный смешок.

Надо же, приняла его за обычного парня. Но испугалась до дрожи в коленках, едва поняла, что он дарг.

Кресло жалобно скрипнуло, когда он поднялся. Дракона тянуло к окну, и Роннар не стал сопротивляться. Ему хотелось еще раз увидеть девушку, дать глазам насытиться ее видом, вдохнуть ее запах, услышать голос. Почувствовать кожей ее кожу, прижаться телом к ее хрупкому телу...

Он не успел продолжить эту мысль, охваченный удивлением и внезапной тревогой.

Его альхайра стояла у фонтана с поникшим видом, опустив плечи, как провинившийся ребенок. Другие девушки по очереди подходили к ней, быстро, будто чего-то боясь, целовали в обе щеки, слегка касаясь губами кожи, и уходили. Одна из них, самая высокая и, по виду,

самая старшая, стояла отдельно, сложив руки на плоской груди, которой не смогли придать объем даже рюши. И наблюдала за этой картиной, выразительно приподняв темную бровь.

Только теперь Роннар заметил, что все девушки, кроме самой альхайры – шатенки. Кто-то немного темнее, кто-то – светлее других, но лишь та, которую выбрал его дракон, оказалась блондинкой. Такой светлой, что ресницы и брови напоминали мазки серебристой краски на ее фарфоровом личике. Да и кожа у остальных была другого оттенка – оливковой, впрочем, как и у большинства уроженцев Этрурии.

Он невольно припомнил короля Фабиана, с которым однажды виделся лично. Еще семь лет назад, на собственной свадьбе. Тогда на пышное пиршество в Кортарен – столицу Ламаррии – съехались сюзерены двадцати государств.

Король Этрурии представлял собой истинный образец мужчины-южанина: смуглая кожа, ореховые глаза, узкий, орлиный нос. Его темные, коротко стриженные волосы сильно курчавились, завивались в барашки. И кто-то шепнул, что в Этрурии подобная внешность – обычное дело, а вот блондины там очень редки. Более того, блондинов в Этрурии недолюбливают, считают, что это лесные кельфи меняют детей...

Но вот с поцелуями было покончено. Блондинка нехотя развернулась и побрела в сторону башни, той самой, где выделили покои императорским невестам. Вслед за ней ковыляла пухленькая смуглянка в чепчике горничной.

И только тогда Роннар наконец осознал. Сцена под окном была ничем иным, как прощанием.

В гостиной никого не было.

Ленси и не ждала, что кто-то останется ее провожать. Знала, что Лидия всех сестер увела смотреть на фонтаны. Она сама была с ними, пока не прибежала камеристка и не сообщила, что весь багаж упакован на совесть, а дорожное платье поджидает хозяйку. Там, в саду, девушки коротко попрощались. Под недовольным взглядом старшей сестры подошли по очереди, легко клюнули младшую в обе щеки. Не принято у принцесс выражать свои чувства.

Лидия тоже подошла. Надменная, чопорная, величавая – ну истинная императрица! С высоты своего роста благословила поцелуем, едва заметно коснувшись губами макушки. И все. Ленси побрела назад в башню, собираться в дорогу.

Экипаж, запряженный парой гнедых, прибыл в назначенное время. Она увидела его из окна комнаты, которая всего на одну ночь стала ей спальней.

На дверцах кареты сиял герб Ламаррии – дракон, вставший на дыбы и расправивший крылья. За его спиной сходились десять мечей – символы десяти кланов.

На запятках сидел холеный лакей в ливрее болотного цвета с серебряным позументом. Гладко выбритый, напомаженный, с темными волосами, зачесанными в низкий хвост.

Он спрыгнул с запяток, едва карета остановилась, и важно прошествовал к крыльцу, на котором скучала молоденькая краснощекая камеристка в окружении саквояжей и баулов.

Теребя пальцами кружевные манжеты дорожного платья, Валенсия глубоко вздохнула.

Вот и все. Каникулы закончились. Хотя, конечно, вряд ли можно назвать каникулами эти три дня, из которых два ушло на дорогу.

Для всех живущих за границами империи, Ламаррия всегда была загадочной страной, неизведанной, полной тайн. И Ленси страстно хотелось узнать эти тайны, хотя бы немного приоткрыть завесу над ними. Ей хотелось увидеть инкардов, о которых она столько читала – ездовых ящеров, которые водились только в Драконьей империи. Увидеть полет анкров – тех самых инкардов, только крылатых, и подчиняющихся лишь ментальным приказам своих владельцев. А может, и самой оседлать крылатого исполина...

Ей хотелось увидеть имперский монорельс, прокатиться на пароплаве по Иллиниоре – главной судоходной реке страны и, конечно же, еще не раз подняться в воздух на дирижабле.

Впрочем, последнее она сможет совершить уже сегодня. Жаль только, в прошлый раз она так ничего и не смогла рассмотреть из его застекленных окошек, кроме пелены облаков. Но того, что успела увидеть, оказалось вполне достаточно, чтобы наполнить ее душу восторгом и благоговением.

Она видела, как расступаются облака, открывая огромную, простирающуюся во все стороны Сумеречную Грядку, как на глазах вырастает Ирригенский замок – вотчина Алмазных драконов, родовое гнездо императора. Сверху он напоминал драгоценную каплю, застывшую на уступе скалы. В каждом шпиле его, в каждой стене, в каждой башне, как в гранях бриллианта, играло солнце.

Она видела, как приближается посадочная площадка – чистая, выложенная серыми плитами. Как по ней к дирижаблю бегут незнакомые люди, такие крошечные с высоты, ловят канаты-якоря, сброшенные им сверху, швартуют воздушный корабль.

Это было прекрасно.

Здесь, в Ламаррии, все было прекрасным. Даже эта комната, такая простая и в то же время изысканная на вид. Она казалась куда уютнее тех покоев, что были отведены младшей принцессе в королевском дворце.

Дверь комнаты легко приоткрылась, отвлекая внимание. Валенсия напряглась, ожидая услышать очередную шпильку от Лидии, но тут же облегченно улыбнулась. Дельфина тихо встала у нее за спиной, обняла за плечи и положила острый подбородок на плечо, глядя вместе с младшей сестрой на замерший у крыльца экипаж.

Ленси благодарно пожала ее тонкие пальцы.

– Не печалься, – голос сестры был полон тепла. – После Бала мы все вернемся.

– Ну, кроме одной, – улыбнулась Валенсия.

– Я даже не сомневаюсь, кто здесь останется.

Они переглянулись и, не выдержав, рассмеялись.

Ну, конечно же, с тех пор, как отец сообщил о договоре с Владыкой, Лидия спит и видит себя императрицей. И кто знает, возможно, все эти годы она отказывала женихам лишь потому, что надеялась получить такой шанс?

Да и было еще кое-что. В Этрурии не приветствовалось, чтобы младшие женились или замуж выходили в обход старших братьев и сестер.

– Ох, пусть Владыка оставит эту язву себе, – смеясь, подмигнула Дельфина. – Мы все вздохнем с облегчением!

– И Сильвия наконец-то сможет заручиться с наследником Шандариата. Он еще два года назад прислал ей свой портрет.

Девушки перестали смеяться. Ленси внезапно обняла сестру, пряча нахлынувшие эмоции. Зашептала в самое ухо горячо, боясь не успеть:

– Странно мне. Что-то будто сидит в груди, давит...

Дельфина осторожно отстранилась, держа сестру за плечи. Та отвела взгляд, стыдясь собственных мыслей.

– Ленси, посмотри на меня. Если что-то случилось, скажи. Тебя кто-то обидел? Ночью, когда ты гуляла?

– Нет... нет... – замотала головой, слабо отнекиваясь.

– Ты тогда выглядела очень странно. Вздурораженная, растрепанная. Щеки покраснелись, вот как сейчас, в глазах нездоровый блеск... Я за тебя беспокоюсь, мне все это не нравится. – Сделав паузу, Дельфина тихо добавила: – Может, оно и к лучшему, что ты едешь домой...

По губам Ленси скользнула улыбка:

– Может и к лучшему...

Глава 6

Дракон метался, угрожая разнести клетку человеческого сознания. Бросался на решетку запретов, пытался пробить стены разума. Он чувствовал себя обманутым, преданным. Он почти физически ощущал, как его сокровище становится все дальше и дальше. Хотя она была еще здесь, на территории замка.

Но Роннар не мог позволить себе взрыв эмоций. И вовсе не потому, что был бесчувственным чурбаном.

О, нет, он далеко не бесчувственный! Но признаться в своем равнодушии к чему-либо, это признаться в собственной слабости. Это дать своим врагам еще одну возможность покончить с тобой.

Отсюда, с высоты его кабинета, просматривался не только сад, но и площадь перед крыльцом в соседнюю башню. И сейчас он стоял у окна, наблюдая, как его альхайра садится в карету. Внутри все горело, будто объятые пламенем, в потемневших глазах полыхали ярость и боль. Но лицо дарга оставалось абсолютно спокойным, даже холодным, если не считать выступившей чешуи.

Когда-то его отец, император Элларийон, учил своих сыновей: сильный правитель – неуязвимый правитель. Хочешь стать неуязвимым – избавься от слабостей.

Роннар оказался нерадивым учеником.

Как и все предыдущие императоры, он добыл право на трон Ламаррии кровью и потом. Он сражался за него с другими претендентами, но не уничтожил соперников, как велел драконий обычай, не захотел пролить кровь побежденных. А зря.

Раненая змея жалит больнее.

Самый опасный враг тот, что познал вкус поражения. Он больше не станет сражаться открыто, он будет прятаться по углам, таиться в ночи, скрываться среди теней. И нанесет свой удар тогда, когда ты не ждешь.

Ударит по самому слабому месту.

Для Роннара этим местом стали жена и сын.

Он потерял супругу из-за глупой беспечности, но, наученный горьким опытом, уничтожил все доказательства существования сына. Враги могли лишь догадываться о ребенке, но он спрятал его достаточно хорошо, чтобы быть спокойным за жизнь мальчишки.

И вот теперь боги, будто смеясь, подбросили новое испытание.

Альхайра.

Хрупкая человеческая девушка, в руках которой жизнь самого сильного дракона Ламаррии. Это ли не насмешка судьбы?

Короткий стук в дверь заставил его оторваться от окна.

– Войдите! – Роннар постарался придать голосу прохладные нотки, хотя наружу рвался драконий рык.

– Мой император, – в дверях застыл капитан замковой стражи Ди Грейн – один из доверенных ньордов, – срочное донесение!

В его руках отсвечивал агрон – серый кристалл, какие обычно используют для хранения голосовых записей.

– Говори.

– Этим утром одна из гостей Вашего Величества связалась со своим отцом. Наш агент перехватил вызов и сохранил запись ее разговора.

Роннар с трудом удержался, чтобы не выхватить кристалл из рук капитана. Ему пришлось приложить усилие, чтобы удержать на лице маску легкого безразличия.

– Поставьте на стол. Я просмотрю.

Выполнив приказ, капитан с поклоном исчез.

Роннар пару секунд ждал, пока затихнут его шаги. Потом приблизился к столу и активировал агрон нажатием на его плоскую верхушку. Внутри кристалл что-то едва слышно шелкнуло, а потом раздался женский голос.

Незнакомый голос!

Это было так неожиданно, что дарг застыл, непонимающе хмурясь. Он был уверен, что услышит голос альхайры. Что это она связалась с отцом, чтобы тот позволил покинуть Ламаррию.

Но нет, судя по записи, это была другая принцесса.

Роннар прислушался.

– Отец, вы же знаете, я не жалуясь без причины. Но то, что себе позволяет Валенсия...

В голосе девушки, кем бы она ни была, звучали плохо скрытые злость и досада.

– Лидия! – ее перебил повелительный голос мужчины. – Я все понимаю. Но таковы условия сделки. Эмиссар императора потребовал, чтобы на Балу были все шесть принцесс.

– Зачем? И так ясно, что император должен выбрать меня. Я же самая старшая!

– Это наш обычай. У даргов ничего подобного нет.

– Но вы же не позволите кому-то из сестер опозорить меня?

– Не нужно было отказывать другим женихам, – тон мужчины стал сварливым, усталым, чувствовалось, что говоривший уже не молод и этот разговор его утомил. – Давно бы уже детей нянчила, да радовала меня внуками!

– Я принцесса! А сватались ко мне графья да маркизы. Если вы забыли, папенька, то смею напомнить, что ни я, ни мой муж на трон Этрурии не смеют претендовать. А становиться маркизой или не дай боги какой-нибудь провинциальной графиней я совсем не стремлюсь.

– Значит, положишься на богов и прими их решение.

– Вам хорошо рассуждать об этом! Отец! А если император выберет Сильвию или Дельфину... – Девушка на мгновение замолчала, будто для нее внезапно открылся смысл собственных слов, а потом заговорила вновь, захлебываясь от эмоций: – Я буду унижена перед всем королевством, рифмоплеты завалят столицу своими памфлетами! А я останусь старой девой, как льера Аланния! Кто на мне тогда женится?!

– Лидия, прошу, успокойся. Ты рвешь мое сердце, но поверь, я ничего не мог сделать. Нам слишком нужна помощь Ламаррии, а другого способа получить ее нет. Я готов был пообещать что угодно, лишь бы император согласился заключить договор! Но если бы не это глупое требование, ты поехала бы одна.

Между собеседниками возникла напряженная пауза. И Роннар внезапно поймал себя на том, что на его губах играет хищная усмешка. Дракон почуял запах предательства, а он в таких делах никогда не ошибался.

Значит, король Этрурии и старшая принцесса решили сделать выбор за него? Указать, на ком он, император Ламаррии, должен жениться?

И тут же перед глазами возник образ высокой надменной девушки, которую Роннар видел сегодня в саду. Сомнений не было, это она – старшая принцесса Этрурии, которая уже собственной волей выбрала себя ему в жены!

Ухмылка дарга стала еще шире. Из-под утончившихся губ показался драконий оскал.

Он ведь действительно не планировал заранее, чье имя из шести претенденток впишет в брачный договор. Его даже не интересовали личные качества этих претенденток. Брак был нужен «для галочки», и по большому счету Роннару было плевать, как зовут его будущую жену и как она выглядит.

Но он не потерпит попыток манипулировать им. Ни от кого.

Между тем, запись продолжилась.

– Отец, так что делать с Валенсией? Я понимаю, она ваша любимица, – это было похоже на плохо скрытое обвинение, – но ее поведение недопустимо.

– Лидия, ты предвзята к сестре.

– Это не предвзятость! Она ведет себя как девчонка, позорит наш род! Вы обязаны ее приструнить.

– Ну, что она уже натворила?

– Гуляла ночью, одна, по драконьему саду! Разве этого недостаточно для наказания?

– У тебя есть доказательства?

– У меня есть свидетели! Отец, вы бы ее видели! Она бежала из сада так, будто за ней гнались все демоны преисподней. Задрав юбки и сверкая коленками, как распутная девка! Растрепанная, покрасневшая, глаза блестели как у шальной, а губы... – поток слов прервал бурный вздох. – Отец, я клянусь, она с кем-то целовалась в саду!

– Хватит. – В голосе короля звякнул металл. – Возможно, ты и права. Я слишком ее распустил. Скажи, пусть сегодня же едет домой.

– Едет? Как «едет»? А Бал? – судя по тону, Лидия растерялась, не зная, радоваться ли такому повороту событий или пожалеть нерадивую сестричку.

– Ты же сама сказала, что я должен ее наказать. Вот и будет ей наказание.

– А как же условие императора?

Король снова вздохнул. На этот раз обреченно.

– Лидия, посмотри правде в глаза. Валенсия мне хоть и дочь, но я не могу врать сам себе. Она выродок в нашей семье. На таких как она не женятся.

«Выродок»...

«Не женятся»...

Эти слова обожгли дарга огнем. И продолжали жечь, хотя запись закончилась.

Роннар вскинул голову и вперил невидящий взгляд в стену.

Кто же она, его альхайра?

Какая кровь течет в ее жилах, если даже родной отец назвал ее выродком?

Он выяснит это, как только вернет ее в замок!

Распахнув дверь кабинета, он кивнул двум даргам-охранникам, околачивающимся в коридоре. Те вытянулись при виде него.

– Тогарн, отправляйся к капитану Ди Грейну. Передай, пусть закроют ворота и поднимут мост. Никому не покидать Ирриген до моего личного распоряжения. Всех, кто посмеет нарушить этот приказ, задержать. Повторяю: всех, без исключений.

К выезду из замка вела широкая, выложенная брусчаткой аллея, вдоль которой росли вековые дубы. Их пышные кроны сливались друг с другом, образуя естественный свод. Но Валенсии было не до красот.

Едва экипаж тронулся с места, она откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза. Ее раздирали странные чувства, противоречивые, несвойственные ей, незнакомые и пугающие.

С одной стороны, ее пугала предстоящая встреча с отцом и обещанное наказание. Уж тот-то точно не погладит по головке за ночные прогулки, исполнит угрозу. А при мысли о розгах Ленси охватывала мелкая дрожь.

Ну не может же отец ее высечь? Восемнадцатилетнюю-то девицу! Или может? Других ведь сестер поколачивал за провинности, правда, в глубоком детстве. Но ее ни разу не тронул, только грозился.

К этому страху примешивалось сожаление, что драконий замок так и не стал ей родным. И не потому, что мечтала выйти замуж за императора. Нет. Об этом она даже не думала. Просто было здесь что-то такое...

Что-то в чистом хрустальном воздухе горных вершин. Что-то в серых валунах и скалах, которые лишь казались безжизненными. Что-то в зеленых мхах, в древних стенах самого замка, в его башнях и шпилях. Что-то особенное, с чем ей не хотелось расставаться так скоро.

А еще, где-то в глубине души, там, куда сама Ленси предпочитала не заглядывать, зрело странное чувство потери.

Чем больше она удалялась от замка, тем сильнее оно становилось.

Словно за стенами Ирригена она оставила частичку себя.

Странный шум заставил ее вернуться в реальность.

– Амина, – Ленси окликнула горничную, сидевшую на пуфике у ее ног, – глянь в окно, что там стряслось?

Девушка поспешно одернула бархатную занавесь на дверце кареты.

– Ваше Высочество, там целый отряд! Это имперские ньорды...

Она растерянно оглянулась на принцессу.

– Ньорды? – брови Валенсии взмыли вверх. – И что они делают?

– Похоже, они преследуют нас!

Ленси не успела ответить.

– Именем императора! Приказываю остановиться! – прогремел уверенный голос.

Два дарга на клыкастых инкардах перегородили карете дорогу, и лошади в ужасе шарахнулись в сторону от чудовищных тварей.

Кучер натянул вожжи, удерживая лошадей, и тут же один из даргов, спрыгнув с седла, схватил их под уздцы. Животные жалобно заржали, забили в воздухе передними копытами, но не сдвинулись с места.

Еще четверо взяли карету в тиски. Теперь Ленси видела их начищенные портупей, сверкающее на солнце оружие и плащи, подбитые алым атласом – отличительный знак личной императорской гвардии. У того, что остановил лошадей, на плечах отливали серебром эполеты.

Но при виде чудовищ, на которых сидели ньорды, ее охватила легкая паника.

Эти животные были ужасны в своем безобразии. Не меньше четырех локтей в холке (1 локоть = 60 см – и далее прим. Автора), они передвигались на двух мощных ногах, их передние лапы были несоразмерно малы по отношению к крупному телу, покрытому чешуей землистого цвета. Длинную шею ящеров венчала плоская змеиная голова с двойным костяным гребнем. Этот гребень шел вдоль спины до кончика длинного и мускулистого хвоста, которым они нетерпеливо били по земле. В безгубой пасти виднелись клыки, острые, будто лезвия бритвы.

Это были те самые ездовые инкарды, которых Ленси хотела увидеть. Что ж, вот и увидела... И, судя по виду, питаются эти «лошадки» совсем не овсом...

Пока она приходила в себя, ньорд с эполетами, не церемонясь, распахнул дверцу экипажа. Но тут же отдал учтивый поклон, узнав его пассажирку.

– Ваше Высочество, прошу прощения за вторжение. Капитан Ди Грейн к вашим услугам.

– По какому праву вы остановили мой экипаж?

– Приказ императора.

Охваченная смятением, Ленси гордо вскинула подбородок и выпрямила спину так резко, что хрустнули позвонки. Ее уничтожающий взгляд должен был испепелить наглеца на месте, но, понятное дело, дарг даже не шевельнулся.

– Я арестована? – осведомилась она таким тоном, каким обычно отдавала приказы при слуге. – На каком основании?

– Задержаны, Ваше Высочество, – еще один учтивый поклон.

– Меня в чем-то подозревают?

– Смею заверить, мне об этом ничего не известно. Император приказал закрыть Ирриген и никого не выпускать с территории замка до новых распоряжений.

Поджав губы, Ленси глянула на свои руки, затянутые в перчатки. Все это время она до боли в суставах сжимала свой ридикюль. Внутри разгоралось странное чувство, в котором смешались одновременно и тревога, и непонимание, и тайная радость от того, что отъезд так нечаянно отложился...

– Меня ждет дирижабль. Мой отец...

– Простите, принцесса, – капитан перебил ее, – я знаю, кто ваш отец, но у меня другие инструкции. Вас приказано сопроводить в личное крыло императора.

– Значит, я все-таки под арестом? – она вздернула подбородок еще выше, хотя это, казалось, было уже невозможно.

– Повторяю, мне об этом ничего не известно. Но будет лучше, если вы проследуете с нами по собственной воле.

На мгновение ее сковал внутренний холод.

Что нужно от нее этим даргам? Как убедиться, что они действительно доставят ее к императору? Да и зачем она ему?

Внезапно на ум пришло воспоминание о случайной встрече в саду. А вдруг ее задержание связано именно с этим?

Но, судя по каменному выражению на лице капитана, от него она ничего не добьется.

– Хорошо, – произнесла Ленси с прохладным спокойствием, держа свой страх под контролем. – Я вынуждена подчиниться грубой силе. Мне будет позволено предупредить отца, что я остаюсь в Ламаррии?

– Это вам может сказать только Владыка.

Дверца захлопнулась. Капитан вернулся в седло и подал знак остальной команде. Ньорды повертели своих инкардов. Но двое из них, вместо того, чтобы сойти с дороги, пристроились у кареты в хвосте.

С замиранием сердца Ленси прислушивалась к странным звукам, доносившимся снаружи. Выглянуть ей не позволяли гордость и страх, который свернулся внутри холодным змеем.

Она не могла понять, что происходит. И это пугало.

Внезапно, карета тронулась в обратном направлении. Не выдержав, девушка все же выглянула в окно.

На дороге, ведущей к посадочной площадке, сиротливо застыли две лошади, кучер и щеголеватый лакей.

Ньорды даже не удосужились развернуть экипаж, они просто привязали его к инкардам с другой стороны.

– Ой, мамочки, что же теперь с нами будет! – заголосила-запричитала сидевшая в ногах Амина, всплескивая руками.

Ленси только сильнее стиснула ридикюль.

Ничего, дарги – не орки. Это у тех в племенах царят варварские законы, казнят всех подряд без суда и следствия. А здесь, все-таки, цивилизованное государство. Даже если она по незнанию в чем-то и провинилась... любой конфликт можно решить мирным путем.

Глава 7

Ее доставили назад, в Ирриген. Но в этот раз карета не остановилась возле главных ворот, а миновала их, даже не сбавив хода.

Скрывая растущую нервозность, Валенсия оглянулась.

У главного входа толпились люди, недоумевая, почему решетка опущена, а охранники никого не впускают и не выпускают даже за отдельную мзду. Вдоль обочины выстроилась целая вереница карет, дилижансов, omnibusов и других экипажей, доставивших будущих невест и гостей со всех уголков страны. Люди бурно выясняли, чем создана эта заминка, по толпе ширились слухи, один фантастичнее другого, но к истинному положению дел они не имели ни малейшего отношения. Потому что правды никто не знал, даже стражники, охранявшие вход.

Между тем, карета с гербом Ламаррии свернула за угол и покатила по выложенной плиткой аллее, терявшейся в густой зелени.

– Ваше Высочество, – прошептала Амина, глядя на свою госпожу расширенными от страха глазами, – куда нас везут?

– Не знаю, – так же тихо ответила Валенсия.

– Видели этих страшилищ? – камеристка покосилась на окно, за которым сейчас гарцевал на инкарде капитан Ди Грейн. – Как бы не попасть им на завтрак!

– Не мели ерунды, – шикнула принцесса, хотя ее саму уже посещала подобная мысль.

Поездка продолжалась еще с полчаса, причем, за окном проносились густые деревья, из чего Ленси сделала вывод, что ее везут через лес. Она постаралась припомнить вид Ирригена сверху, с высоты дирижабля. Замок располагался на уступе скалы и состоял из нескольких крупных строений, каждое из которых было обнесено фортификационной стеной с редутами. Еще одна стена замыкала все это в единое целое. Ее северная и восточная часть высились над обрывом, с южной стороны находился главный вход и единственная дорога, ведущая нему от самого подножия гор. На юго-востоке осталась посадочная площадка. А вот западная стена тонула в кронах деревьев, и эти деревья широкой зеленой рекой спускались по склону горы на несколько миль.

Значит, сейчас они едут на запад...

Это было уже кое-что.

Наконец, экипаж остановился, и Ди Грейн, спрыгнув с седла, любезно распахнул дверцу перед принцессой.

– Прошу.

Проявляя галантность, подал ей руку. Но Валенсия даже не глянула в сторону капитана. Молча выбралась из кареты, держа спину так ровно, что от напряжения свело низ живота. До боли в челюстях стиснула зубы и огляделась.

– Я могу узнать, куда вы меня привезли? – осведомилась с истинно королевским величием.

Карета стояла на усыпанной гравием дорожке перед широким крыльцом, крышу которого поддерживали мощные каменные колонны.

Подняв голову, девушка ощутила невольный трепет.

Незнакомое строение казалось жилым, но очень древним. По крайней мере, его фундамент и первый этаж. Зеленая плюща укрывала нижнюю часть фасада, сложенную из каменных глыб. Окна представляли собой крошечные бойницы, а вот верхний этаж выглядел поновее. Он был сделан из черных глянцевитых блоков, тщательно подогнанных друг к другу, а его высокие стрельчатые окна украшал сложный многоцветный витраж.

– Это личные апартаменты Владыки, – Ди Грейн отступил, давая девушке возможность осмотреться. – Крепость в крепости. Здесь никогда не бывает чужих, только доверенные лица.

– А я здесь зачем?

– Скоро узнаете. Следуйте за мной, Ваше Высочество.

Подчиняясь внутреннему толчку, она оглянулась на экипаж. Но капитан по-своему понял ее движение.

– Не беспокойтесь, все вещи будут доставлены в целости и сохранности.

– Куда? – буквально процедила, чувствуя, что вот-вот сорвется и совсем не по-королевски разразится отборной бранью, которой в детстве набралась у мальчишек на заднем дворе.

– В ваши покои, принцесса.

Ах вот как! Теперь у нее есть покои?

Лицо Валенсии побелело от гнева и напряжения, на виске выступила синяя жилка, а губы сжались в тонкую линию. Ей потребовалось немало усилий, чтобы смолчать и подчиниться.

Здесь, в незнакомом месте, вдали от всего привычного и родного, да еще в окружении даргов, она едва ли не впервые в жизни почувствовала себя беззащитной и уязвимой. Но именно ощущение собственного бессилия и невозможности изменить ситуацию, ее разозлили.

Ленси была не глупой девушкой и понимала, ее титул здесь ничем не поможет. Учтивость капитана это не дань ее положению, а скорее уважение к женскому полу. Все-таки он был даргом, а она – человеческой девой, невинной девой, и драконий инстинкт не позволит ее обидеть.

А уж если говорить о политике, то тут вообще никаких вариантов. Крошечная Этрурия висит на южной оконечности Драконьей империи как родинка на носу великана. И если отец решит объявить войну за поруганную честь королевского Дома, то дарги сомнут его армию в считанные часы.

Поднимаясь по каменным ступеням, Ленси невольно припомнила разговор сестер.

Нет, отцу лучше даже не знать, что случилось, пока она сама все не выяснит. Этрурии нужна помощь драконов, иначе маленькое королевство скоро погибнет в междоусобной войне. И ей самой придется улаживать возникший конфликт.

Приняв решение, она начала понемногу осматриваться.

Вопреки ее ожиданиям, внутри здание оказалось намного роскошнее, чем можно было судить по внешнему виду. Камень стен надежно скрывали резные панели, украшенные мозаикой, в которой Ленси с удивлением узнала россыпь драгоценных камней. Зеленые изумруды, красные рубины и голубые сапфиры были выложены в сложный узор рукой неизвестного мастера. Бойницы и ниши, расположенные между панелями, прикрывала бархатная драпировка, высокие сводчатые потолки украшала лепнина, а сама лестница, ведущая на второй этаж, и ее перила были выточены из редчайшего голубого нефрита – единственного в своем роде.

Ди Грейн предупредил, что чужих здесь не бывает. Значит, ее привезли сюда нарочно, чтобы все это великолепие указало пленнице ее место и величие Драконьей империи?

Эта мысль заставила Валенсию зашипеть сквозь стиснутые зубы.

– Вы что-то сказали, Ваше Высочество? – тут же обернулся капитан, шедший впереди.

– Я устала, – парировала она, пытаясь испепелить дарга глазами. – И хочу отдохнуть.

Поездка меня утомила.

– Мы пришли.

Девушка резко остановилась.

Перед ней высилась резная, оббитая кованым кружевом дверь. По обе стороны этой двери вытянулись два молодых дарга в форме имперских ньюрдов. И они были вооружены до зубов.

Капитан подал знак, и стражи молча распахнули дверь перед принцессой.

Ленси вдохнула, набирая воздух, будто перед прыжком в пропасть. А потом шагнула через порог, скрывая страх за гордо поднятой головой и расправленными плечами.

Дверь захлопнулась за спиной ударом хлыста. Этот звук прогремел в сознании девушки тысячекратным эхом. И она застыла, не в силах двинуться с места.

В комнате, куда ее привели, был кто-то еще.

Мужчина.

Его силуэт темнел на фоне залитого солнцем окна. Высокий, широкоплечий.

И едва дверь закрылась, как он обернулся. Медленно, не торопясь.

Это обманчиво ленивое движение показалось Валенсии странно знакомым.

– Ну, здравствуй, маленькая льера, – услышала она голос, от которого ее кинуло в жар, потом в холод. – Вот мы и встретились.

По телу Валенсии пробежала мелкая дрожь, ладони сделались липкими, капельки пота выступили над верхней губой. Она машинально слизнула их, делая выдох.

– Вы? – собственный голос показался растерянным и беспомощным, как у испуганного ребенка. – Что все это значит?

Тень шевельнулась, отходя от окна. И девушка невольно сделала шаг назад, упираясь спиной в закрытую дверь.

– Вам не нужно меня бояться, принцесса, – мужчина тоже остановился, не делая больше попыток приблизиться. Его тон стал обманчиво мягким. – Как раз наоборот. Теперь защита вашей жизни приоритет номер один для меня... И для всего государства.

Ленси казалось, что она находится в каком-то дурном сне. Ее грудь словно стиснул железный обруч, и этот обруч сжимался все сильнее по мере того, как она поднимала взгляд на лицо незнакомца.

А незнакомца ли?

Это был тот самый кифард, чье пение выманило ее из башни и заставило среди ночи блуждать по чужому саду. Только теперь она прекрасно видела то, чего не заметила в прошлую встречу.

Четкие, волевые черты, хищный разрез глаз, упрямая линия губ, гордый профиль. Это лицо было отчеканено на всех монетах Драконьей империи. Оно красовалось на государственных ассигнациях и векселях. И даже в учебнике по Истории мира, который Ленси так невнимательно читала на уроках.

Перед ней стоял сам император Ламаррии, Владыка Сумеречной Гряды, Повелитель Ветров. Тот, кто правил Драконьей империей последние двадцать пять лет.

В глазах у Ленси на мгновение потемнело. Она попыталась вдохнуть, но воздух застрял в груди плотным комком.

– Я... – она сглотнула слюну, которая вдруг стала горькой и вязкой. – Я не понимаю... Владыка?..

И, почти не соображая, что делает, осела в глубоком реверансе, как того предписывал придворный этикет, вдолбленный в голову едва не с молоком кормилиц. Застыла в неудобной позе, не чувствуя ни рук, ни ног и не в силах поднять головы.

Сердце слово оборвалось, заколотилось где-то внизу живота. И эхо этих ударов отозвалось в висках тревожным набатом.

Эльха Пресветлая! Спаси и сохрани ее глупую голову! Что же это выходит, она целовалась в саду с самим императором?

О, нет, почему «целовалась»? Это он ее целовал! Самым наглым, самым бессовестным образом! А теперь еще и не дал уехать, зачем-то вернул. Что императору нужно от младшей принцессы?

Дарг не спешил. Не двигался, не отвечал. Просто стоял и изучал ее неторопливым, внимательным взглядом.

Она чувствовала, как этот взгляд скользит по ней, вызывая мурашки. Взгляд мужчины, бесстыдный, оценивающий, полный желаний и какой-то необъяснимой горечи. Он не мог видеть ни ее глаз, ни лица, но ей казалось, что это ему и не нужно. Что он и так видит все, что желает.

Наконец, он сделал плавное движение в ее сторону. Девушка вздрогнула, когда прохладные пальцы дарга коснулись ее подбородка, вынуждая поднять голову и глянуть ему в лицо.

У него были завораживающие глаза. Пугающие, но красивые. Цвета бархатной ночи. Почти без белков. Сейчас в них вспыхивали, переливались и гасли снопы золотистых искр. Это было так необычно и так прекрасно, что Ленси забыла, кто она и кто он. Просто тонула в этих глазах, раскрыв рот, как придворная дурочка.

Пока его зрачки не сузились в вертикальную щель.

Вскрикнув, Ленси отпрянула. Запуталась в подоле. Она с запоздалым ужасом поняла, что сейчас растянется у ног императора. Но он успел подхватить ее в последний момент.

Его реакция была молниеносной. Доля мгновения – и мужские руки железным кольцом уже прижимают девушку к твердому телу.

Дарги умеют двигаться быстро, как змеи, и так же внезапно. Теперь она это знала.

Ленси закрыла глаза и глубоко вдохнула, пытаясь прийти в себя. Она слышала бешеный стук собственного сердца. Ощущала чужие руки, надежные, крепкие, которые не позволили ей опозориться. И только минуту спустя поняла, что стоит, прижимаясь к императору.

Слишком сильно прижимаясь, чтобы это можно было назвать приличным.

– Владыка... – пролепетала, заливаясь краской и пряча взгляд от стыда, – благодарю, я в порядке...

Любой воспитанный мужчина понял бы, что пора ее отпустить. Но то ли император Ламаррии был не воспитан, то ли не слишком понятлив, но его руки сжались сильнее.

– Можете меня отпустить...

Ленси пошевелилась. Но кольцо рук осталось таким же железным.

– Владыка? – тревога пересилила стыд. – Что происходит?

Девушка вскинула голову и едва сдержала сдавленный крик.

Лицо мужчины застыло страшной, болезненной маской. Его глаза превратились в две черные дыры, в которых плясало адское пламя. Черты потекли, изменились, сквозь них проступила драконья суть. Блестящая чешуя покрыла лоб, виски, щеки и шею алмазной броней.

Он будто сражался с самим собой. И проигрывал в этой борьбе.

Внезапно все прекратилось.

Кольцо рук разомкнулось, и Валенсия, сама не ожидая того, оказалась на свободе.

Император отпустил ее. Отступил на пару шагов, убирая руки за спину, словно боялся, что не удержится и снова сожмет в объятиях, только на этот раз, чтобы уже никогда не отпустить.

– Приношу свои извинения, – его голос прозвучал официально и сухо, будто бы ничего не случилось. – Принцесса Валенсия, я вынужден вас задержать и объявить королю Этрурии ноту протеста.

Ей понадобилось несколько бесконечно долгих секунд, чтобы справиться с изумлением. Она не умела так быстро, как он, брать себя в руки и скрывать истинные эмоции под маской холодной вежливости.

– Я могу узнать повод?

Он слегка усмехнулся:

– Не люблю, когда из меня пытаются сделать марионетку.

От этой усмешки Ленси снова кинуло в жар.

– Не понимаю, о чем вы...

– Конечно, не понимаете. Вам это не нужно. Располагайтесь, – он обвел рукой пространство вокруг себя, – на ближайшие дни это ваши покои.

Ленси недоуменно моргнула.

– То есть, я заложница? – наконец-то сообразила она.

Усмешка правителя стала шире. И Ленси почувствовала холодок.

– Нет, милая лъера. Вы моя гостья. Особенная гостья, – добавил он с ударением, – весьма дорогая.

– На ближайшие дни? – уточнила она, повторив его фразу.

– Слишком много вопросов.

Он не собирался ей отвечать. Не считал нужным?

Ленси обхватила себя руками за плечи, закрываясь от его странного взгляда.

– Объясните, что происходит? В чем я провинилась? Что со мной теперь будет? С моими сестрами? Вы расторгните договор с Этрурией?

– Не забивайте свою хорошенькую головку подобной ерундой. Лучше готовьтесь к Балу.

– К Балу? – она окончательно растерялась. – Зачем? Я должна вернуться домой...

– Мне плевать, кому и что вы должны, принцесса, – перебил он ее ледяным тоном, и в этом тоне ей послышался лязг металла. – Я здесь Закон. И я желаю видеть вас на Балу.

Если бы он ударил ее, она и то не была бы так обескуражена и удивлена. Император приказал вернуть ее только ради того, чтобы она поприствовала на Балу? Неужели ему мало ее сестер? В чем подвох?

– Вашему отцу не стоило нарушать условия договора у меня за спиной, – отчеканил он, предупреждая ее возражения. – Мне были обещаны шесть принцесс. Шесть, а не пять.

Разрозненные части сложились в картину. Так вот оно что...

– И... что же теперь?

Губы дарга раздвинул хищный оскал:

– Теперь я на вас женюсь.

Глава 8

– Глупость какая-то... – беспомощно пробормотала Ленси, когда за Владыкой закрылась дверь.

Это же не может быть правдой? То, что он ей сказал...

Как он может на ней жениться?

Бред. Просто бред. Или дурной сон. Она спит и вот-вот проснется.

Желая ускорить пробуждение, Ленси с силой ущипнула себя за руку и тут же вскрикнула от боли. На глаза навернулись слезы, а на нежной коже проступили следы от ногтей.

Но чужая комната, обставленная с изысканной роскошью, никуда не исчезла.

Нет, это не сон...

Она закрыла глаза, отвела локти и соединила пальцы на уровне груди, как учили жрицы Пресветлой. Сделала медленный вдох, представляя, как вместе с воздухом легкие наполняются светом, и этот свет теплой струей проходит через все тело, забирает страх, гнев, тревогу, непонимание.

Ей нужно прийти в себя, нужно успокоиться и обдумать все, что случилось. Она обязательно найдет выход из этой нелепой ситуации. Потребуется аудиенцию, потребует объяснений. В конце концов, она принцесса, а не безродная девка. Он не имеет права так с ней обращаться!

Надо только успокоиться. Взять себя в руки.

Так же медленно Валенсия выдохнула, выпуская из себя вместе с воздухом все плохое.

Потом повторила.

И так несколько раз.

Наконец, почувствовав себя лучше, открыла глаза и осмотрелась.

Комната показалась ей просто огромной. Это была одновременно и спальня, и гостиная, и будуар, разделенные между собой арочными сводами.

Девушка медленно двинулась вдоль нее, изучая обстановку.

Слева от входной двери в укромном алькове находилась кровать, затянутая шелковым балдахинном с вышитыми серебром парящими в небе драконами, справа – туалетный столик на гнутых ножках в виде драконьих лап. Его овальное зеркало крепилось к серебряной раме, сверху над ним нависала драконья пасть, будто держа эту раму зубами. По бокам виднелись еще две когтистые лапы.

Рядом со столиком, вдоль стены, пристроились две низенькие софы, кофейный столик, несколько кресел, стеллаж, заставленный статуэтками из металла, фарфора и хрусталя. Потом какая-то дверь, спрятанная в небольшой нише, еще одна дверь, и снова кресла, диванчики, пуфики, этажерки...

Вся мягкая мебель была обтянута лавандовым бархатом с серебристым шитьем. Такой же ламбрекен свисал с карнизов, украшавших окна.

В этой комнате оказалось четыре окна, по одному на каждую сторону света. А в витражах застыли драконы, выложенные из кусочков цветного горного хрусталя.

Под ногами мягко пружинил ковер – белоснежный, пушистый, подозрительно похожий на шкуру неведомого животного.

Везде царил идеальная чистота. Но, кому бы ни принадлежала эта комната раньше, все в ней носило отпечаток заботы и... женской руки.

Осознав это, Валенсия сжала губы от нахлынувшего возмущения. Уж не уступил ли император Ламаррии чертоги собственной фаворитки?

Она подошла к алькову и решительно одернула шелк, закрывавший кровать.

Стеганое покрывало из лилового атласа. Несколько таких же подушек, украшенных узкими рюшами. Все идеально разглажено, без единой морщинки.

Поколебавшись, Ленси нагнулась, втянула носом, не идет ли от подушек запах женских духов, и тут же отпрянула, устыдившись собственных мыслей.

Не о том думаете, Ваше Высочество! Не о том! Сестрам-то ничего не известно, и папеньке тоже! Небось, уже знают, что она никуда не уехала. Ищут ее, беспокоятся... А она здесь подушки обнюхивает, как ревнивая жена. Еще б под кровать заглянула!

Эта мысль заставила девушку вспомнить о дверях, которые обнаружила. Но за ними, вопреки ее ожиданиям, выхода не оказалось. Одна дверь вела в пустую и гулкую гардеробную. Вторая – в купальню.

Конечно, купальня оказалась роскошной, как и все здесь. С золочеными кранами и вентилями, ванной из белоснежного мрамора, таким же умывальником и уборной, стыдливо укрывшейся в нише. Но это было совсем не то, на что надеялась Ленси.

Повздыхав, она подошла к одному из окон и выглянула наружу.

И застыла, не в силах поверить тому, что увидела.

Судя по всему, это здание располагалось гораздо выше, чем остальные строения замка. И сейчас Ленси прекрасно видела крыши других построек, внутренний двор, сад с фонтанами и даже крыльцо башни, в которой она провела эту ночь.

Но это было не все.

На крыльце стояли ее сестры, Дельфина и Лидия. Причем, первая явно что-то пыталась втолковать старшей принцессе. Та хмурилась, упрямо оттопырив губу, но отвечать не спешила. Наконец, повела плечом, развернулась и хлопнула дверью.

Дельфина осталась одна, растерянная и встревоженная. Потерла виски. Она всегда так делала, если о чем-то сильно переживала.

И Ленси не выдержала. Заколотила в стекло, крича во все горло:

– Ди! Я здесь! Здесь! Наверху! Подними голову!!!

Она не слышит ее! Стекло слишком толстое. Нужно открыть окно.

Ленси попробовала дотянуться до ручки.

Нет, слишком высоко для нее.

Подпрыгнула, пытаясь схватить равнодушный металл. Все напрасно.

Вот Дельфина достала бы сразу, ей и тянуться бы не пришлось.

Оглядевшись, Валенсия лихорадочно заметалась по комнате. Схватила пуфик, подтащила к окну, взобралась на него, путаясь в юбках. Все равно низковато! Наплевав на условности, заткнула длинный подол за пояс. Встала на цыпочки и потянулась к ручке, которая, словно издеваясь, поблескивала на солнце.

Схватила. Пальцы сжались, ощущая гладкий и прохладный металл. Девушка потянула ее на себя, уже ощущая, как поддается тяжелая рама.

И вдруг поняла, что теряет опору.

Пуфик, покачнувшись, начал медленно валиться набок. И она вместе с ним. Взмахнула руками, как нелепая птица, пытаясь удержать равновесие. В воздухе взметнулись волосы и подол. А потом перед глазами оказался ковер.

Близко-близко.

Но удара не последовало.

Уже знакомые руки подхватили ее.

– Вас нельзя оставить ни на секунду, милая льера, – прошелестел в самое ухо бархатный голос Владыки. – Вы так и рветесь поскорее оказаться в моих объятиях.

Ленси закрыла глаза, признавая свое поражение и позор.

Эльха Пресветлая, откуда он взялся? Ушел же! Какого гхарра его принесло?!

– Можете отпустить меня, Ваше Владычество, – произнесла так сухо, как только смогла.

– Неужели?

Девушка оцепенела, когда венценосный дарг провел кончиком носа по ее шее, жадно вдыхая аромат девичьей кожи. А потом со странным сожалением добавил:

– Если бы я мог отпустить!

Но его руки все же разжались.

Ленси поправила юбки, искренне надеясь, что Владыка не успел разглядеть того, что приличные девы не показывают мужчинам. При мысли, что император видел ее лодыжки или, не дай боги, белье, ее охватывал жгучий стыд.

– Вы очень мило краснеете, принцесса.

Это замечание, сказанное насмешливым тоном, заставило ее резко выпрямить спину.

– Вы вернулись, чтобы это сказать? – парировала она.

– Нет, моя дорогая. У меня была причина важнее. – В руках императора сверкнула шелковая нить, на которой покачивался матовый камешек. – Позвольте, я надену вам это.

Ленси прищурилась, изучая подозрительную вещицу. В отличие от людей, у драконов была своя магия. Странная, чужеродная, принесенная ими из другого мира. И столкновение с ней не несло человеку ничего хорошего.

– Что это?

– Ваша защита.

– А мне нужна защита? – она демонстративно отступила, сложила руки на груди и с вызовом вздернула подбородок. – Позвольте узнать, от кого вы меня защищаете? От себя?

Это уже была дерзость, недопустимая в положении полупленницы-полузаложницы, какой она себя ощущала.

Уголок его губ пополз вверх.

– В какой-то мере. На Бал прибыло много гостей, я хочу быть уверен в вашей безопасности. Мне не нужны сюрпризы.

– Мне тоже. Так не проще ли дать мне уехать?

– Вы забываетесь.

Валенсия поджала губы. Попранная гордость требовала продолжать сопротивление, хотя бы из принципа. Но это уже походило на детский каприз. Принцессы так себя не ведут. Принцессы должны быть предельно вежливыми и дипломатичными, не только с теми, кто старше по титулу, но и с подданными.

Вот Лидия никогда не стала бы спорить с императором. Наоборот, нашла бы способ договориться. Она умела договариваться с людьми, если ей это было нужно.

– Хорошо, – сдалась Ленси. Но тут же добавила: – Я надену это при одном условии.

– Вы ставите мне условие? – в его глазах вспыхнул интерес. – И какое?

– Позвольте мне связаться с отцом и сестрами. Я не хочу, чтобы мои родные беспокоились обо мне.

Он задумался на пару мгновений, продолжая рассматривать девушку. Причем, делал это так бесстыдно и откровенно, что Ленси с трудом сдержалась, чтобы не прикрыть ладонями грудь, хотя она и без того была скрыта глухим воротом дорожного платья.

– Я не могу рисковать, – наконец, озвучил дарг принятое решение. Ленси замерла, внимая его словам. – С вашим отцом свяжется мой эмиссар. А с сестрами вы увидите на Балу.

– Это означает «нет»?

– Это означает «нет». Но надеть эту штуку вам все же придется, – он положил подвеску на туалетный столик. И его глаза сверкнули металлическим блеском. – Если, конечно, не хотите просидеть под замком всю свою жизнь.

Власть и сила были на его стороне. И он вполне мог исполнить свою угрозу.

Валенсии стоило только взглянуть в холодные, непроницаемые глаза императора, как воображение тут же нарисовало мрачные стены ирригенского подземелья и ее, сидящую там на цепи.

– Вы... не посмеете! – выдохнула она.

– И кто же мне запретит?

На это ей нечего было ответить.

Никто из людей не отважится пойти против Драконьей империи. Никто не отважится возразить ее императору. Ни Этрурия, ни Шандариат, ни Ремнискейн, расположенный на другой стороне Аранейского моря. Отец скорее сдаст ее с потрохами, как и любую из своих дочерей, чем поставит все королевство под угрозу уничтожения.

Когда-то люди уже пытались противостоять драконам, и Ленси прекрасно знала, что с ними случилось. В учебниках по Истории мира те времена назывались эпохой пепла и слез.

Кусая губы, она мелкими шажками приблизилась к столику и, все еще колеблясь, протянула руку к подвеске. Пальцы коснулись странного камешка, который на ощупь оказался упругим и теплым, будто живым.

И в этот момент ладонь правителя накрыла ее ладонь.

Он стоял за ее спиной. Так близко, что дыхание шевелило волосы ей на макушке. Ленси сдавленно выдохнула, чувствуя слабость в коленях, и оперлась свободной рукой на столешницу.

Эльха Пресветлая! Что с ней делает этот дарг? Завораживает, пугает и притягивает одновременно, словно самая темная бездна. Наверняка, это магия...

– Вы позволите, принцесса? – тихий голос заставил ее кожу покрыться мурашками. – Этот камень должен контактировать с кожей.

Не в силах возразить, она молча кивнула.

Он отступил. Мягко забрал из ее пальцев подвеску. Почти невесомым движением отодвинул в сторону непокорные пряди, и Ленси почувствовала, как его пальцы пробежали по ее спине, сверху вниз, расстегивая крючки.

Ни один мужчина не касался ее так нагло и так бесстыдно. Но оттолкнуть она не могла. Просто не было сил.

Дарг не торопился. Будто смаковал каждый момент. Но в то же время его прикосновения были почти целомудренными. Ничего лишнего. Расстегнув платье, немного спустил его, обнажая девичьи плечи, и аккуратно закрепил украшение вокруг ее шеи. Продолговатый камешек лег в ложбинку между грудей. И Валенсия тихо ахнула, почувствовав кожей его пульсацию и тепло.

А потом руки правителя сжали ее узкие плечи. Губы прижались к нежной коже затылка. Девушка задрожала.

– Мне жаль, что приходится так поступать, – сквозь туман в голове услышала она его голос. – Я был бы счастлив никогда вас не знать. Но раз уж вы здесь, то позвольте мне позаботиться о вашей безопасности. Это, прежде всего, нужно вам.

Валенсия даже не представляла, что теперь делать. Бал Невест был назначен на вечер. По традиции, он должен начаться с заходом солнца и продлиться до утренней зари.

Оставалось не так много времени, чтобы принять правильное решение.

С одной стороны, она должна быть горда, что император выбрал ее. Самую младшую и, чего уж греха таить, самую неудачную из шести принцесс. Он мог выбрать Лидию – надменную гордячку с осанкой истинной королевы. Или Сильвию – любительницу драгоценностей и мехов. Или умницу Дельфину. Даже Даная и Флора были куда лучше нее.

Почему же он выбрал ее?

В чем здесь подвох?

Он не может не видеть ее ущербности. Зачем ему *такая* жена?

Но в одном правитель Ламаррии прав. Он здесь Закон. Да, именно так, с большой буквы.

Когда он ушел, оставив ее стоять с глухо бьющимся сердцем и искусанными губами, появилась Амина. Сопровождавшие ее ньорды втащили в комнату вещи принцессы. Камеристка целый час восторгалась роскошью новых покоев, пока Валенсия на нее не прикрикнула. Та замолчала, но продолжала обиженно пыхтеть, разбирая баулы и развешивая в гардеробной туалеты венценосной хозяйки.

Несколько раз Валенсия выглядывала за дверь. Но каждый раз натыкалась на угрюмые и нелюдимые лица охраны.

Потом подали ужин. Его принес хмурый ньорд. Молча поставил на стол и, не глядя по сторонам, так же молча ушел.

Ленси без всякого желания ковырялась в тарелке. Кормили в Ирригене неплохо, местный повар и впрямь был кудесник, но вся эта дурацкая ситуация напрочь отбила у девушки аппетит.

– Пора, – пробормотала она, когда гонг за окном возвестил о вечерней страже.

Отставив тарелку, Валенсия поднялась.

Платье, сшитое специально для этого случая умелыми руками этрусских мастериц, уже ждало ее в гардеробной. Расправленное и тщательно отутюженное, жемчужного цвета с тонким, как паутинка, кружевом из серебряных нитей. Оно казалось достаточно скромным и элегантным, ведь младшей принцессе было всего восемнадцать, и ей не следовало привлекать взгляды мужчин.

Переодевшись, принцесса вернулась к туалетному столику. Зеркало отразило ее лицо, которое после всего, что случилось, казалось бледнее обычного.

– Может, добавим немного румянца? – предложила Амина, скептически оглядывая свою госпожу.

– К Халлу румянец, – буркнула Ленси. – У меня нет ни малейшего желания выглядеть лучше, чем я есть.

Как нет ни малейшего желания участвовать в этом фарсе, который задумал император Ламаррии.

– Как пожелаете, Ваше Высочество.

Камеристка заканчивала украшать жемчугом ее высокий шиньон, как в дверь кротко постучали.

Девушки переглянулись.

– Иди, – кивнула Валенсия, – узнай, что им нужно.

Через минуту она услышала возмущенный голос Амины и, не выдержав, оглянулась.

На пороге стоял уже знакомый дарг в темно-зеленом кителе с эполетами.

– Ваше Высочество, – он привычно щелкнул каблуками и приложил руку раскрытой ладонью к груди.

– Капитан Ди Грейн, если не ошибаюсь, – на лице пленницы появилась натянутая улыбка. – Чем обязана?

– Карета уже ожидает. Я и мои люди будем сопровождать вас.

– Бойтесь, что я сбегу?

Это предположение прозвучало так нелепо, что Ленси едва сдержала истерический смешок.

– Нет, Ваше Высочество, – покачал головой капитан. Вопреки ее ожиданиям он даже не улыбнулся. – Бежать вам некуда. Вокруг только скалы. Мы здесь для вашей защиты.

Она стиснула губы в тонкую линию. Рука сама легла на камешек, пульсирующий на груди.

Вот, опять, они говорят о ее защите. Но от кого и зачем ее защищать?

– Идемте, капитан, – произнесла девушка с горечью и поднялась. – Ваш император, наверно, уже заждался.

Глава 9

При виде кортежа, ожидавшего у крыльца, Ленси слегка побледнела. В карету с гербом императорского дома, была запряжена четверка инкардов, и эти твари весьма недвусмысленно щелкали челюстями. Пара ньордов гарцевала на таких же зверюгах в авангарде, еще четверо – в арьергарде. Еще один инкард, принадлежавший капитану, лениво позевывал, демонстрируя впечатляющий набор зубов.

– Прошу, – Ди Грейн распахнул перед принцессой дверцу.

Пришлось собрать силу воли в кулак, расправить плечи и, глядя прямо перед собой, пройти те несколько шагов, что отделяли крыльцо от кареты. Когда дверца захлопнулась, девушка облегченно выпустила воздух сквозь плотно сжатые зубы и осмотрелась.

Окна в карете были затянуты плотными кожаными шторами. Ленси подергала сначала одну, потом другую, но они не поддались. Не было даже крохотной щелочки, чтобы увидеть, что делается снаружи.

Пробормотав проклятье, она откинулась на мягкую спинку. Сердце неприятно заныло, словно предчувствуя грядущие беды. Все происходящее казалось каким-то неправильным.

Снаружи раздался громкий крик, и карета пришла в движение.

Но поездка оказалась короткой. Всего пятнадцать минут быстрой езды – и вот уже экипаж начал сбрасывать скорость, а потом и вовсе остановился. Нахмурившись, Ленси прислушалась к звукам, доносящимся снаружи.

Она услышала приближающиеся шаги и невольно насторожилась. Но это был всего лишь Ди Грейн. Распахнув дверцу, он галантно склонился:

– Ваше Высочество, прибыли.

– Где мы? – девушка глянула ему через плечо, оценивая обстановку, и снова ощущение опасности заскребло на душе. – Куда вы меня привезли?

То, что она видела, мало напоминало вход в главный зал Ирригена. Карета стояла у небольшой кованой двери, почти утонувшей в плюще. Тот же плющ вился по стенам, сложенным из крупных камней. Здесь не было ни души: ни других экипажей, ни гостей, ни их голосов. А вокруг царил полумрак, разгоняемый лишь кристаллическими фонарями в руках спешившихся ньордов.

– Не беспокойтесь, пока вы под нашей защитой, вам ничего не грозит, – поспешил заверить капитан. – Это всего лишь тайный вход. Император позаботился, чтобы о вашем существовании не узнали до времени.

– Не понимаю. Зачем такие ухищрения? Меня от кого-то прячут? Но почему?

– Там, в зале, собрались главы десяти кланов со своими свитами и телохранителями. Они явились, чтобы засвидетельствовать выбор Владыки. По традиции, вход с оружием в Бальный зал запрещен, но у любого дарга есть сотня способов убить человека, даже не прикасаясь к нему. Император уже дал вам защиту от магии, – он указал взглядом на тонкую нить, поблескивавшую на ее шее, – А я прошу вас не брать из чужих рук ни еды, ни питья.

– Вы думаете... – Ленси на мгновение задохнулась от понимания, – О, боги, вы думаете, кто-то из них захочет меня убить? Но зачем?!

– К сожалению, я не могу ответить на этот вопрос. Даже если бы и хотел.

– Но знаете ответ?

Он молча посторонился, пропуская одного из ньордов, вооруженного фонарем. Тот поколодовал над замком, и дверь приветственно распахнулась.

Вопреки ожиданиям, в открывшемся коридоре было довольно светло.

Ленси прищурилась, недоверчиво заглядывая вовнутрь.

– Идемте, принцесса, – поторопил ее Ди Грейн. – Здесь вы все равно не найдете ответы.
– Хорошо, – она одарила его натянутой улыбкой, – ведите, капитан. Мне все равно не оставили выбора.

Пока они шли, Валенсия молчала, обдумывая дальнейшие действия. А вот Ди Грейн явно пытался разрядить обстановку, рассказывая историю этого коридора. Девушка почти не вникала в смысл его слов, пока ее слуха не коснулась еле слышная музыка.

Замедлив шаг, она вскинула голову, но конца коридора еще не было видно.

– Мы уже близко, – пояснил капитан, видя ее настороженность. – За этой стеной, – он постучал по каменной кладке, – находится бальный зал. И музыка тоже оттуда.

Еще несколько шагов, и он поднял руку, приказывая остановиться. И Ленси замерла на полушаге, будто налетев на невидимую стену. Ей вдруг стало по-настоящему жутко. Запоздалая паника поползла по ногам, обхватывая ледяными щупальцами.

– Ваше Высочество, – дарг обернулся к похолодевшей принцессе, – помните, о чем я вас попросил. У нашего повелителя много врагов, и я не хочу, чтобы вы стали их следующей жертвой.

– Следующей? – пробормотала она, делая шаг назад. – Значит, были и другие?

Ленси охватило стойкое ощущение нереальности происходящего.

– Успокойтесь, Ваше Высочество. Вы под нашей защитой.

– Еще вчера моя жизнь была в безопасности и без вашей защиты.

– Я не могу вернуть вам «вчера». – Он помолчал, словно решая, стоит ли откровенничать дальше. Потом тихо добавил: – Но сделаю все, чтобы вас защитить. Можете мне доверять.

Все это было очень странно и очень пугающе. Но что-то во взгляде Ди Грейна, в его тоне, в его словах заставило Ленси поверить. На мгновение в ее голове мелькнула мысль, что однажды она пожалеет об этом доверии. Что дарги – не люди. Что у них своя мораль, свои правила. И что маленькой принцессе человеческого государства было бы лучше держаться подальше от драконьих интриг...

Но эта мысль исчезла, как вспугнутая бабочка, стоило капитану нажать скрытый рычаг.

На глазах девушки часть стены, казавшейся монолитной, бесшумно отошла в сторону, открыв арочный вход, занавешенный плотной портьерой. И звуки музыки, хлынувшие из зала, на мгновение оглушили ее.

– Это ниша между двумя пилястрами, – пояснил дарг. – Она ведет в безопасную часть зала. Идите, Ваше Высочество, и ничего не бойтесь. Я буду рядом.

Он произнес это так, словно ее защита была делом всей его жизни. Но именно сила и убежденность, прозвучавшая в его тоне, придали ей смелости.

Принцессам не пристало бояться и прятаться. У каждой из них свой долг: перед своей семьей, перед народом и перед страной. И сейчас ей предстоит сделать шаг, от которого будет зависеть ее королевство.

Расправив плечи, с гордо поднятой головой, она вышла в зал.

На секунду ее ослепил яркий свет, лившийся со всех сторон.

Зал был полон гостей, среди переливов музыки звучали их голоса. Ленси увидела несколько даргов, разодетых в золото и меха. Они стояли в стороне от основной толпы, что-то обсуждая вполголоса, и у каждого на груди сверкал крупный камень, свидетельствовавший об их принадлежности к одному из десяти кланов. Это были вожди.

Рядом с вождями неподвижно, как статуи, замерли телохранители-ньюрды, чуть поодаль толпилась свита.

Центр зала, предназначенный для танцев, тоже не пустовал. Вдоль него прогуливались девицы, искоса оценивая конкуренток и стреляя глазками в сторону даргов. Среди них были не только темноволосые этрурки, но и смуглые, раскосые дочери Шандариата, заплетавшие свои волосы в сотни косичек. И где-то там находились принцессы.

Ленси остановилась, разглядывая толпу девиц в пестрых платьях. Что-то подсказывало: ее сестры не знают, что она никуда не уехала. Им никто не сообщил. Значит, ее появление будет для них неожиданностью.

Пряча улыбку, она шагнула вперед.

В этот момент музыка стихла, оборвавшись звоном тарелок, и вслед за ней, как по мановению палочки невидимого дирижера, начали стихать голоса. Первыми замолчали даргивожди. Краем глаза Ленси заметила, как они, один за другим, стали оборачиваться в ее сторону, но не придавала значения. И все же, ее смутили их взгляды: пристальные, настойчивые, почти прожигающие. Некоторые из даргов даже подались вперед, словно забывшись. И принцессе показалось, что они стараются незаметно принюхаться, чтобы уловить ее запах. Это было так странно и так пугающе, что она вновь ощутила неприятную слабость.

А потом, поддаваясь возникшему в зале напряжению, притихли и девушки. Встревоженные, не понимая, в чем дело, они сбились в стайки и шепотом спрашивали друг у друга, что происходит.

Валенсии захотелось отступить, спрятаться в тень, но она не могла позволить себе подобную роскошь. Наоборот, нацепила самую обворожительную улыбку из своего арсенала и заставила себя идти дальше.

В наступившей тишине трижды прозвучал стук церемонного жезла о мраморный пол, призывая гостей к вниманию. А потом звучный голос церемониймейстера объявил:

– Ее Высочество принцесса Валенсия Кассандра Патриция Этрурская, герцогиня Данграй.

Ленси не смогла удержаться, выразительно вздернула брови. Каждый раз, когда слышала свое полное имя, ей казалось, что речь не о ней. Оно было словно платье с чужого плеча – неудобным, громоздким и душным.

Слова церемониймейстера еще таяли в воздухе, а девушки-невесты уже склонились в низком реверансе, кто – приветствуя дочь своего короля, кто – отдавая дань уважения принцессе соседней державы. Вновь полилась тихая, ненавязчивая мелодия, и поверх склоненных голов Ленси увидела сестер.

Принцессы сидели на возвышении, отведенном для венценосных невест. И на их лицах читалось ничем не прикрытое изумление.

Она послала им ободряющую улыбку, но ни одна не улыбнулась в ответ. Наоборот, казалось, Даная и Флора мечтают раствориться в спинках своих кресел, Сильвия слишком внимательно рассматривает виноградную гроздь на столе, Дельфина что-то шепчет, едва шевеля губами и выразительно косясь в сторону Лидии, а та вообще застыла в странной позе, словно хотела вскочить, но в последний момент передумала.

И они были явно не рады ее увидеть.

Сбитая с толку, Ленси направилась к ним. За ее спиной девушки-невесты поднимались и возвращались к своим нехитрым делам. Вновь зазвучали голоса, тихий смех, звон бокалов. Толпа отдала дань внимания, а теперь хотела утех.

– Что ты здесь делаешь?! – первой отмерла Лидия. – Разве ты не должна сейчас лететь в Этрурию?

– Извини, – Ленси повинно склонила голову перед старшей сестрой. – Это не моя прихоть.

– Ты хоть представляешь, что с тобой будет, когда вы вернетесь? – зашипела та, почти не разжимая зубов. Остальные принцессы сидели молча, делая вид, что интересуются чем угодно, только не разговором. – Это открытое неповиновение своему королю! За такое по головке не гладят!

Ленси знала, Лидия права, но оправдываться никакого желания не было. Странная отчужденность и холодность, шедшие от сестер, неприятно ее царапнули. Не такую встречу она ожидала, не такой прием.

– Я же сказала, в том нет моей вины, – повторила она уже тверже.

Но Лидия точно не слышала.

– Я чувствовала, что все так и будет! Мне нужно было самой убедиться, что ты села на этот треклятый дирижабль! Молись теперь, чтобы отец не отправил тебя в монастырь за непослушание! Будешь там всю оставшуюся жизнь зажигать свечи Пресветлой Эльхе!

– Тише, – внезапно встряла Даная, подаваясь вперед.

Но Лидия лишь отмахнулась и продолжила, прожигая непутевую сестру яростным взглядом:

– Где ты была все это время? Отвечай!

Но Ленси не успела ответить.

– Все это время она была со мной, – произнес за ее спиной бесстрастный голос, и на плечи внезапно опустились чьи-то ладони.

Твердые, сильные и поразительно знакомые. Слегка сжали, словно в знак ободрения.

Ленси резко выдохнула. Она видела, как меняются лица сестер, как застывают на них растерянность и недоверие, граничащее с потрясением. И сама в замешательстве оглянулась.

За ее спиной стоял император Ламаррии собственной персоной. В белоснежном парадном мундире, украшенном золотыми эполетами и усыпанной бриллиантами перевязью. И улыбался, глядя на нее. Но от этой улыбки веяло силой и властью.

За столиком воцарилась мертвая тишина.

– Прошу прощения, принцессы, – слова Владыки падали в эту тишину словно камни в бездонную пропасть, – вас не поставили в известность по моей воле. Теперь вы знаете, что с вашей сестрой все в порядке.

Он одарил Валенсию спокойным и уверенным взглядом, на дне которого плескалось тепло, так не вязавшееся с невозмутимым лицом императора.

Настойчивое покашливание заставило Ленси обернуться к столу.

Лидия уже успела взять себя в руки. Старшая принцесса сидела, выгнув спину так, что платье обтянуло ее талию и плоский живот, а низкое декольте обнажило ложбинку между грудей. Она поигрывала хрустальным бокалом, вертя его в пальцах, а на губах застыла кокетливая улыбка, предназначавшаяся Владыке.

– Мой император, – почти пропела она, жеманно пожимая плечами, – нам очень приятна забота Вашего Владычества о нашей сестре. Но можем ли мы узнать, чем она вызвана?

Лицо императора на секунду осветила ответная улыбка. Это была всего лишь любезность, но Ленси поймала себя на странном ощущении. Ее словно что-то кольнуло в этот момент.

– Узнаете, – произнес он уклончиво, – все в свое время.

Взгляд Лидии вернулся к его рукам, которые продолжали лежать на плечах Валенси, словно он позабыл их убрать.

– Мы беспокоимся за нашу сестру, – старшая принцесса снова улыбнулась, но на этот раз ее улыбка была натянутой, – она необычная девушка, если вы успели заметить. К тому же, вы здесь не за этим, не так ли?

Это «необычная» было сказано таким тоном, будто речь шла о постыдной болезни или уродстве, которое нужно скрывать. Что ж, Лидия знала, как бить побольнее.

Валенсия опустила ресницы, чувствуя, как под торжествующим взглядом сестры ее щеки заливают румянец. С самого рождения вокруг нее вились эти намеки и недомолвки. Это странное отчуждение, которое она долгое время не могла объяснить. И даже потом, когда узнала, в чем дело, не нашлось никого, с кем бы она смогла откровенно поговорить.

Весь королевский Двор знал, что происходит. Кто не знал – тот догадывался. И все молчали, боясь навлечь на себя беду. Суеверия и страх перед всем неизведанным прочно вошли в сердца этих людей. И даже король не был здесь исключением.

А теперь Лидия намекает императору на ее ущербность. Да еще столь открыто. Как же может сестра так ее унижать?

Горло девушки перехватило. Появилось желание сбросить с себя эти руки, вырваться из-под одуряющего влияния императорской ауры и, упрямо вскинув голову, заявить: «Да, я такая! Это моя суть! Моя сущность! И мне с ней жить!»

Но вместо этого Ленси продолжала стоять и краснеть под самодовольным взглядом сестры.

– Вы правы, принцесса, – услышала она над своей головой абсолютно спокойный голос Владыки, и вздрогнула. Его пальцы слегка шевельнулись, поглаживая нежную кожу плеч. – Ваша сестра весьма необычна, и мне это нравится.

– Вы уделяете ей слишком много внимания, – заметила Лидия уже более сухо. – Как самая старшая, я несу ответственность за ее жизнь и здоровье.

Император слегка усмехнулся.

– Об этом можете больше не беспокоиться, принцесса. Теперь я позабочусь обо всех ее нуждах.

– В каком смысле, позвольте узнать?

– В самом прямом.

Ленси не сразу сообразила, что он сказал. А когда поняла, то решила, что ослышалась. Ну не мог же император Ламаррии и в самом деле такое сказать? Она подняла взгляд на сестру, но та сидела белая, как полотно, вцепившись в бокал с такой силой, что на запястье прорезались синие вены.

Коротко выдохнув, старшая принцесса открыла рот, но не успела издать ни звука.

Император вдруг наклонился, на глазах у всех, прикоснулся губами к макушке оторопевшей Валенсии. И все тем же бесстрастным голосом произнес:

– А сейчас, позвольте, я ее у вас украду. По традиции, хозяин Гнезда должен открыть первый танец с почетной гостьей.

Глава 10

– Зачем вы это сделали?

– Что именно?

Они кружились в танце под звуки оркестра. Всего одна пара в центре огромного зала, под взглядами сотен гостей. Валенсия чувствовала эти взгляды каждой клеточкой тела, так же, как и близость мужчины – опасную, запретную и такую манящую.

Взгляды толпы были разными. Восхищенными и завистливыми, пылкими и полными неприязни. Одни принадлежали даргам, другие – потенциальным невестам. Но каждый из них жадно ловил малейшее движение пары.

– Вы прекрасно понимаете, о чем я, Владыка. Зачем вы сказали моим сестрам...

Он не дал ей договорить, прижал сильнее, нарушая все приличия, и шепнул почти в самое ухо:

– Я сказал чистую правду.

Ленси вспыхнула, охваченная двоякими чувствами. Возмущение хорошо воспитанной девушки столкнулось с тайным удовольствием, тешившим женское самолюбие. Она должна была возмутиться, дать понять, что при всем его титуле с ней нельзя обращаться фривольно. Должна была указать на дистанцию между ними. И не смогла.

Император Ламаррии был молод, силен и очень хорош собой, а еще от него шел такой мужской магнетизм, что устоять перед ним было очень непросто. И, чего уж греха таить, сердце юной принцессы затрепетало.

Покраснев до корней волос, она еле слышно пролепетала:

– Ваше Владычество, на нас смотрят...

– Я этому рад.

– Но... вы не должны...

– Ш-ш-ш, – развернув девушку в танце, он на секунду приложил палец к ее губам, – не нужно говорить мне, что я должен и чего я не должен, моя дорогая. Я же сказал, что избрал вас своей невестой. А теперь даю понять всем и каждому в этом зале, что уже сделал свой выбор.

Валенсия на мгновение сбилась с ритма.

– Это шутка? – забыв про этикет, глянула ему прямо в лицо. – Вы не можете выбрать меня. Это же против правил!

В его глазах полыхнул темный огонь.

– Правила здесь устанавливаю я. Привыкайте.

Музыка стихла, означая конец танца, но тут же зазвучала вновь. На этот раз это была веселая, зажигательная мелодия, и в круг начали выходить новые пары. Дарги приглашали приглянувшихся девушек. Теперь до самого рассвета один танец будет сменяться другим, чтобы пары могли познакомиться ближе.

Роннар поднес к губам ладошку партнерши и, не отрывая взгляда от пунцового лица девушки, запечатлел поцелуй.

– Вы прекрасно танцуете.

Ленси ждала, что он отведет ее к сестрам и, как предписывает обычай, пригласит на танец следующую принцессу. Но ему, похоже, нравилось шокировать публику.

Вместо этого, он повел ее за собой, все так же сжимая в ладони ее дрожащие пальчики.

– Куда мы идем? – она растерянно оглянулась на ту часть зала, где оставались сестры.

– Туда, где вы будете в безопасности.

– Я буду в безопасности, если вы отведете меня к сестрам.

– Ну, уж нет, – на его лице промелькнула кривая ухмылка, – в этом змеином гнезде я вас не оставлю.

Вокруг было слишком много народа, чтобы продолжать возмущаться. Ленси не желала привлекать лишнее внимание, которого и так хватало с избытком, а потому, смирившись, молча пошла за ним. В какой-то момент Роннар на секунду замедлил шаг, окинул девушку задумчивым взглядом, в котором ей почудилась горечь, и произнес:

– Я бы хотел все сделать иначе. Но сделаю то, что должен. – Уголок его губ дрогнул в странной полуулыбке. – Ничего не бойтесь, принцесса. Что бы сейчас ни случилось, молчите и не закрывайте глаза.

Это жутковатое предупреждение заставило что-то сжаться внутри. Ленси поспешно кивнула, понимая, что выбора нет. Да, она могла бы остановиться, выдернуть руку из крепких тисков дарга, заартачиться и потребовать объяснений.

Но...

Это она представляла просящую сторону. Это ее стране нужна была помощь. Это войска ее отца уже не могли сдержать недовольства, бродившего по провинции. И раз уж судьбе угодно, чтобы выбор Владыки пал на нее, ей остается лишь подчиниться.

Договор должен быть подписан несмотря ни на что.

Они поднялись на возвышение, к главному столу, где сейчас находились все десять вождей. Дарги встали, приветствуя своего повелителя. И девушка поймала на себе их пристальные, оценивающие взгляды.

Только тогда она запоздало отметила то, чего не заметила раньше.

За овальным столом императора стояло одиннадцать кресел, не считая его собственного. Одиннадцать, а не десять. И кресло по левую руку от Владыки пустовало.

Охваченная внезапным подозрением, она оглянулась. Отсюда была отлично видна та часть зала, где находились ее сестры. Их столик стоял на подобном возвышении, подчеркивая статус гостей, и его окружали пять кресел.

Всего пять кресел, в которых сидели принцессы.

Шестого, предназначенного для нее, там не было.

– Приветствуем вас, Владыка, – вожди кланов склонили головы перед своим императором. Подскочившие слуги тут же отодвинули кресла для правителя и его спутницы.

Роннар сильнее сжал ее руку, и Ленси пришлось прикусить язык, хотя слова возмущения уже готовы были сорваться с него.

Он все устроил заранее! Все спланировал! Его слова не были пустым звуком или желанием шокировать публику, когда он сказал, что выбрал ее.

Подчиняясь его желанию, она заняла предназначенное ей место.

И в этот момент всю их компанию словно накрыл невидимый купол, отгородив от остального зала. Музыка отдалилась, гомон толпы затих.

– Светлейшие льеры, – произнес император, поочередно глядя в лицо каждого вождя, – вы долгое время склоняли меня принять предложение Этрурии и заключить династический брак с этой страной. Вы убеждали, что такой союз укрепит наши позиции в мире людей. Полгода назад я уступил вашим доводам. С одним условием. – Он сделал паузу, позволяя присутствующим проникнуться этим моментом. – А сейчас позвольте представить вам деву, чье имя я собственноручно вписал в брачный договор. Принцесса Валенсия, – он снова пожал ее руку, которую так и не отпустил, – младшая дочь Фабиана Этрурского.

Над столом повисла гнетущая тишина. Тяжелая. Осязаемая. Давящая, как камень. И в этой тишине Ленси почувствовала напряжение, возникшее между даргами. Казалось, воздух над их головами вот-вот заискрит. Ее саму охватила легкая дрожь, шедшая откуда-то изнутри, когда смысл сказанных слов достиг ее понимания.

Брачный договор.

В памяти моментально всплыли слова Лидии:

«Отец сказал, что брачный договор уже составлен. И он здесь, в этом замке. Его привез с собой королевский поверенный за день до нашего появления. Осталось только вписать имя невесты»...

Пытаясь найти подтверждение своей догадке, она подняла взгляд на Роннара. Тот стоял рядом непоколебимый, как скала, и такой же невозмутимый, словно речь шла о чем-то обыденном, а не решалась судьба двух держав.

Молчание затягивалось. Время отсчитывало секунды. Они капали в вечность, одна за другой, утекали, чтобы никогда не вернуться, а напряжение все росло и росло, обещая взорваться.

Но не взорвалось.

Первым пришел в себя дарг, который выглядел старше остальных. Его немолодое лицо испещряли морщины, кожа была коричневой от солнца и ветра, а на груди полыхал рубин, размером с голубиное яйцо.

– Что ж, – произнес он, слегка усмехаясь, но его глаза оставались абсолютно спокойными, – Рубиновый клан приветствует хозяйку Сумеречной Гряды.

Подхватив со стола бокал, наполненный прозрачной янтарной жидкостью, глава Рубиновых залпом опрокинул его в себя. Потом, не сводя пристального взгляда с лица принцессы, швырнул бокал на пол. Тот разлетелся на сотни осколков, а дарг преспокойно сел, заняв свое место.

Оторопевшая, онемевшая, не веря в происходящее, Ленси с трудом удержалась, чтобы не сжаться в кресле. Потому что вожди, один за другим, повторяли этот маневр. Приветствовали ее от лица своих кланов, пили до дна и били бокалы об пол, а потом садились за стол, сохраняя на лицах невозмутимое выражение.

И все это время Роннар стоял рядом, держа руки на ее плечах и не позволяя зажмуриться.

Только когда последний бокал был разбит, он сел и обвел собравшихся пронзительным взглядом.

– Думаю, никому не нужно объяснять, что здесь только что произошло?

– Мне нужно, – голос девушки прозвучал тихо, но твердо.

– Что ж, – он больше не улыбался, – ты только что стала моей женой по нашим обычаям.

Валенсия опустила ресницы, злясь на себя за дурацкий румянец. Но на этот раз щеки горели вовсе не от смущения.

– Разве вы не должны были озвучить ваше решение на рассвете, – выдала она то небольшое, что знала о традициях даргов, – перед лицом встающего солнца? И разве не должны были спросить моего согласия перед тем, как коснуться моих волос?

– Я никому ничего не должен, – произнес он с нажимом, глядя ей прямо в глаза. – Хорошо запомните это, дорогая супруга.

Ей осталось только молча выдержать его взгляд.

Мраморный пол вокруг стола устилала осколки. Эти осколки были и на столе, но, казалось, дарги их даже не замечают. Словно ничего особенного не случилось, они вернулись к своим тарелкам и прерванному разговору.

– Поздравляю, принцесса, – один из них, обладатель большого изумруда, ослепительно улыбнулся ей, продемонстрировав великолепные зубы. – Все десять кланов официально признали вас.

Валенсия тоже улыбнулась в ответ, все еще пытаясь осознать и принять такую скоропостижную свадьбу. Внезапная мысль заставила ее снова взглянуть на новоиспеченного мужа. Тот крутил в руках золотую, украшенную мелкими бриллиантами вилку и хмуро смотрел на нее, словно ждал какой-нибудь каверзы.

– Ваше Владычество, поправьте меня, если я не права, – заговорила девушка, взвешивая каждое слово, – вы сочетались со мной браком по обычаю вашей страны. Но есть еще и обычаи, которые чтит мой народ. Эта свадьба, – она сознательно не сказала «наша свадьба», от чего на лице дарга появилась нехорошая тень, – не имеет значения, пока не совершен обряд с двух сторон.

Раздался звон.

Роннар швырнул вилку на стол, и та забренчала, ударившись о фарфоровый край тарелки. Его глаза сузились, в них вспыхнуло предупреждение. И Ленси лучше было бы замолчать, но внутреннее упрямство не давало ни отступить, ни признать себя побежденной. В ответ она только еще сильнее вскинула голову.

Несколько мгновений они состязались взглядами. Но вот губы Владыки тронула снисходительная усмешка. Он откинулся на спинку кресла, всем видом напоминая сытого, разомлевшего хищника, который развлекается, играя с добычей.

– Что ж, – от его тона у Ленси что-то сжалось внутри, – я уважаю традиции моих союзников. Вы получите то, что хотите.

Она не успела ни сообразить, что это значит, ни отреагировать, но в этот момент невидимый полог, отделявший императорский стол от зала, внезапно упал. Музыка и голоса хлынули неудержимым потоком, заставляя девушку вздрогнуть от неожиданности. Она увидела, как Роннар едва заметно кивнул, и в тот же момент музыка в зале стихла, словно оборванная этим движением.

Гости загудели, как растревоженный улей. Но их гомон перекрыл троекратный стук церемониального жезла.

– Владыка Сумеречной Гряды желает говорить! – оповестил голос невидимого церемониймейстера.

Ленси застыла, до боли сцепив пальцы между собой.

Не спуская с нее взгляда, Роннар поднялся. А потом, крепко ухватив за локоть, рывком заставил подняться ее.

Девушка покачнулась, наступив на подол, и на мгновение прижалась щекой к плечу императора. Золото эполета неприятно царапнуло кожу.

– Что с вами, моя дорогая? – процедил дарг сквозь зубы так тихо, что услышать могла только она. – Вас уже качает от счастья?

Его твердые руки удержали ее, не давая отстраниться. Словно стальная змея обвилились вокруг талии, прижимая сильнее. Над головой раздался уверенный, полный внутренней силы голос:

– Я, Роннар Элларийон из клана Алмазных, Владыка Сумеречной Гряды, Повелитель Ветров, волей богов император Ламаррии, перед лицом земли, неба, духов предков и всех живых заявляю права на эту деву и нарекаю ее своей супругой здесь и сейчас. Если кто-то желает оспорить мой выбор, пусть назовется!

Глава 11

Несколько минут сохранялась полнейшая тишина. Такая пронзительная, что Валенсия слышала стук собственного сердца – лихорадочный, сбивчивый, как у пойманной пташки. Он отдавался во всем теле, вторя напряжению, которое росло с каждой секундой этой тишины.

Но вот тишину разорвал звон бьющегося стекла, и вся толпа ахнула, обернувшись на этот звук. У столика, где сидели принцессы Этрурии, рассыпались осколки бокала, выпавшего из дрогнувших рук старшей принцессы.

Валенсия тоже вздрогнула, увидев ее глаза.

Лидия медленно поднялась. Бледная до синевы, с застывшим лицом и нервно искривленными губами, она окатила младшую сестру ненавидящим взглядом.

– Я протестую! – выплюнула, точно эти слова разъедали ей рот.

Ленси не увидела – почувствовала, как губы Роннара сложились в предвкушающую ухмылку.

– Назовитесь, светлейшая льера, и поясните причину протеста.

Его рука, лежавшая у нее на талии, шевельнулась, но, вопреки ожиданию, он ее не убрал. Лишь передвинул немного и теперь преспокойно поглаживал спину девушки, подтверждая свои права.

Да он издевается! Осознание этого факта нахлынуло как порыв ледяного ветра. Ему прекрасно известно, что это ее сестра, принцесса Этрурии. Что ж, Ленси, хотела, чтобы все было по правилам? На, получай.

– Вы и так знаете, кто я, Ваше Владычество, – теперь Лидия смотрела только на императора, игнорируя его спутницу. – Но если желаете, могу и представиться. Лидия Климена Астария старшая дочь Фабиана Этрурского, принцесса Этрурии и сестра этой девы. И я заявляю здесь, при свидетелях: вы не можете взять ее в жены!

Ленси закрыла глаза, отдаваясь на волю богов. Вот и все, сейчас император узнает. И не только он, все, кто присутствуют в этом зале, узнают ее мерзкую тайну. Лидия не станет молчать.

Губы старшей принцессы растянулись в самодовольной усмешке.

Когда-то очень давно их отец просил своих дочерей поклясться, что тайна младшей будет сохранена от чужих ушей. Просил поклясться на алтаре, в главном храме Пресветлой Эльхи – прародительницы этрурцев. Но Лидия тогда схитрила.

Ей было всего шесть лет, когда родилась Валенсия. События того дня врезались в память старшей принцессы так, словно едкая кислота выжгла их на листе металла. Она до сих пор помнила, как испуганная повитуха вынесла из спальни королевы это бледное, сморщенное существо с белесыми волосенками. Жалкое и уродливое. Оно молчало, глядя в пространство бесмысленным, немигающим взглядом.

Помнила глаза этого существа, которое невозможно было назвать сестрой: слепые, затянутые бледно-голубой пленкой. Нечеловеческие глаза.

Помнила, как побледнел отец. Как тряслись руки его руки, когда он заглянул в лицо этому существу. И тихий, лихорадочный шепот повитухи:

– Ваше Величество, это... нужно отнести в лес и оставить. Кельфи сами найдут ее и заберут.

– Глупая женщина, ты хоть понимаешь, что говоришь? – вспыхнул один из придворных, сопровождавший отца. – Предлагаешь бросить в лесу королевское дитя?

– Но так всегда делают с этими... существами, – оправдывалась бедная повитуха. – Разве не видите? Ее отметило лесное проклятье!

– Нет никакого проклятья. Все это бабские суеверия...

Его сердитую речь прервал суровый тон короля.

– Это моя дочь, и она такая же принцесса, как и ее сестры, – произнес Фабиан, обводя присутствующих тяжелым, предупреждающим взглядом. – Я знал, что однажды это случится. Знал и боялся. Древнюю кровь нельзя утаить, если она захочет проснуться. Нам остается только смириться.

В этот момент дверь спальни снова открылась, пропуская Симону – любимую фрейлину королевы Кассандры.

– Ваше Величество, – пробормотала она, делая книксен, – пора. Королева отходит.

Для шестилетней Лидии смысл этих слов был непонятен. Но тон, которым их произнесли, заставил сердечко принцессы испуганно сжаться. Когда отец с серьезным лицом сжал ее руку, она неосознанно догадалась, что вот-вот случится что-то плохое.

– Идем.

Всего одно слово – и отец повел ее за собой в комнату матери.

Они вошли, и дверь за ними закрылась.

Лидия нервно теребила пальцами кружево своего детского платья. Ей не нравился душный запах лекарств и крови, висевший в воздухе. Не нравился полумрак и задернутые гардины. Не нравились лица фрейлин, столпившихся здесь. Не нравилась эта большая кровать, в которой тонула ее бледная, похожая на привидение мать.

Лицо королевы приобрело болезненный пепельный оттенок, сухая кожа натянулась на скулах. Сидевшая рядом врачевательница смачивала влажной губкой ее рот, потрескавшийся в горячке. И только глаза королевы продолжали жить на изможденном лице. Она протянула мужу и дочери тонкую руку, высохшую и похожую на птичью лапку.

– Простите, мой король, я снова вас подвела, – услышала Лидия тихий, бесплотный шепот. И с трудом узнала в нем некогда звонкий голос матери.

На ее глазах отец опустил на колени возле кровати умирающей. Сжав безвольную руку, он начал покрывать ее поцелуями.

– Полноте вам, моя королева, вы не можете меня подвести. Это я вас подвел. Я виноват.

– Это уже не имеет значения. Мы оба знали, что может случиться, и все же рискнули. Вы видели ее?

Он кивнул.

– Значит, вы уже знаете. Я так хотела подарить вам сына, – лицо королевы озарила мечтательная улыбка, которая сразу поблекла. – Но, видимо, не судьба...

Лидия ждала, когда мать обратит внимание на нее. Но вместо этого королева вдруг собрала последние силы и подалась вперед, впиваясь в лицо супруга неистовым взглядом.

– Фабиан! Поклянись! Поклянись мне всем святым, что позаботитесь о моей дочери! Обещайте, что сбережете ее! – В ее тоне прорезалась одержимость умирающего. – Я знаю, что говорит людская молва о таких, как она. Чернь страшится всего, что выше ее понимания. Но Древняя кровь не проклятие – Древняя кровь это дар. Вы знаете это не хуже меня!

– Клянусь, – раздалось в ответ.

И Лидия увидела, как мать с облегченным вздохом упала на подушки. Остекленевший взгляд королевы уставился в потолок.

Прошла пара минут, и отец поднялся с колен. Отпустил безвольную руку жены, а потом закрыл ей глаза.

– Свершилось! – сказала Симона, ложа руку на плечо принцессы.

Кто-то поднял гардины. Скрипнули ставни, впуская в комнату свежий воздух. На ветру затрепетал белый флаг – символ смерти. А через мгновение где-то высоко над головами раздался глухой удар.

За ним еще один, и еще.

Это палили пушки на главной башне, возвещая народу смерть королевы.

И все это время Лидия молча кусала губы, чувствуя, как по щекам текут слезы, как душит обида, не давая вдохнуть. Как детскую грудь распирает от боли.

Ей хотелось оттолкнуть фрейлину. Завизжать что есть сил. Наброситься на мать, схватить ее мертвое тело за плечи и затрясти, мстя за свое бессилие.

Почему ее мать перед смертью думала не о ней? Не о любимой дочери? Она же ее любимая доченька, мама всегда так говорила! Смеясь, называла Лидию плодом любви. Все остальные дети были лишь попыткой получить долгожданного сына.

Так почему же последние мысли матери были о той, что отняла ее жизнь? Об этом уродливом существе, что высосало все ее силы? Она беспокоилась о нем, умирая. И не думала о других своих детях!

Как же она могла?!

Детский разум не мог ни понять, ни принять того, что свершилось.

А потом были пышные похороны. Траурный кортеж, белые вуали и охапки свежих лилий, срезанных в королевской оранжерее. Много чужих людей со скорбными лицами. И суровый, нелюдимый отец, который больше не приходил в детскую, ссылаясь на государственные дела.

Пять принцесс остались с новой сестрой. Этим странным, молчаливым созданием, которого побаивались даже няньки. Оно ело, спало, пачкало пеленки и ни разу за все время не издало даже писка. И кто-то сказал, что принцессу Валенсию надо было отдать лесным духам, ведь среди них ей самое место.

Кто донес королю бабские сплетни – никто не узнает. Только в один из дней вся обслуга из детской внезапно исчезла. Ее заменили незнакомые люди. Вместо привычной няньки появилась высокая, сухопарая льера с жестким лицом. Гувернантка. Она одела принцесс, посадила в карету и привезла в главный храм, где уже ждал отец.

Там, они принесли ему клятву, что будут любить и беречь свою младшую сестру несмотря ни на что. Ведь так хотела их мать.

Мать, которая их предала!

– Принцесса, так вы скажете, почему я не могу взять в жены эту деву? Или продолжите прожигать меня взглядом?

Резкий голос заставил ее очнуться.

Лидия судорожно втянула воздух сквозь сжатые зубы. И вдруг поняла, что стоит посреди бального зала, окруженная молчаливыми даргами.

Смерть матери осталась в далеком прошлом, но обида по-прежнему жгла. Словно и не было всех этих лет. Словно мать только сейчас закрыла глаза. И ее последние слова продолжали звучать в голове Лидии ненавистным набатом:

«Поклянитесь! Поклянитесь мне всем святым, что позаботитесь о моей дочери! Обещайте, что сбережете ее!»

И снова, как и тогда, на ее глазах показались злые слезы – признак ярости и бессилия.

– Да, Ваше Владычество, – заговорила она, и с каждым сказанным словом ее голос креп, наливался триумфом и торжеством, – я вам скажу. Это создание, – она подняла руку и обвиняющим жестом ткнула в побледневшую сестру, которую император так откровенно прижимал к своему телу, – не может стать ничьей женой! Она с рождения отмечена древним проклятьем.

Когда эти слова прозвучали на весь зал, Валенсия решила, что ее сердце сейчас оборвется. То, чего она столько времени боялась – свершилось.

Но, странное дело, гром не грянул, стены не вздрогнули, земля не разверзлась. Лишь со стороны даргов прошла волна легкого удивления. Да за спиной Лидии сестры будто окаменели. На их лицах попеременно отражались то страх, то стыд, то растерянность, словно они не знали, что делать, и чью сторону поддержать.

– И что же это за проклятье, позвольте узнать? – услышала Ленси прохладный голос императора. – Неужели смерть грозит всякому смельчаку, посмевавшему назвать эту деву своей?

– Напрасно смеетесь, Ваше Владычество. В ней пробудилась кровь Первородных! Еще сто лет назад мой народ избавлялся от подобных детей. Их относили в лес сразу, после рождения. Отдавали лесным кельфи, потому что оставить такого ребенка в доме – значит навлечь на себя беду.

– И какую же беду навлекла на вас принцесса Валенсия?

Ироничный тон ударил по самолюбию Лидии, будто хлыст. Обжог, оставив саднящую рану.

Император смеется над ней! Она ясно видела насмешливый блеск его глаз и понятливые ухмылки даргов, сидевших с ним за одним столом.

И сорвалась.

– Она убила свою мать! – прошипела, сжимая руки в бессильном гневе. – Убила своим рождением! Разве этого мало?

Роннар почувствовал, как тонкое тело в его руках задрожало. Это заставило его дракона недовольно взрыкнуть. Никто не смеет посягать на его сокровище, никто не смеет ей угрожать!

– Довольно! – всего одно слово, брошенное негромко и жестко.

И Лидия замолчала, захлебнувшись собственными словами, горевшими на языке.

Император Ламаррии обвел притихший зал немигающим взглядом. И в этом взгляде светилось холодное предупреждение.

– Есть ли еще желающие оспорить мой выбор?

Желающих не нашлось.

– Что ж, – он криво усмехнулся, беря невесту двумя пальцами за подбородок и вынуждая ее поднять голову, – кажется, по этрусским традициям я должен скрепить наш брак поцелуем?

Она со страхом и трепетом смотрела, как его лицо склоняется к ней. Теперь его глаза были так близко, что казались двумя провалами, на дне которых гудело и завивалось в спирали адское пламя. Пламя желания. Оно обжигало, страшило и притягивало одновременно. И Ленси сама не заметила, как стала тонуть в этих глазах, позабыв обо всем на свете.

Его губы коснулись ее приоткрытого рта. Это были губы не юноши, а мужчины. Твердые, сухие и опытные.

Если бы Ленси был чуть постарше, она бы подумала в этот момент о тех женщинах, что дарили ему свою ласку. Но она была слишком чиста и невинна. А потому лишь нервно вздохнула, позволяя облачку дыхания вырваться из груди, и тут же дракон его поглотил. А потом, стиснув хрупкое тело в железных объятиях, император углубил поцелуй.

Роннар терзал податливые девичьи губы, с силой удерживая ее голову за затылок. Так, словно это была крепость, которую нужно взять штурмом. Он раздвинул их языком, ворвался внутрь, ломая слабое сопротивление, провел по небу, с тайным удовольствием отмечая, как охнула и прильнула к нему невеста.

Ленси уперлась в грудь дарга маленькими кулачками, но сил оттолкнуть его уже не нашлось. Ее глаза сами собой закрылись, тело отдалось на волю чувств, а сердце, казалось, собралось выпрыгнуть из груди, таким сумасшедшим был его ритм. Ее тело плавилось, как свеча, душа трепетала. И где-то на задворках сознания мелькнула шальная мысль: Эльха Пресветлая, неужели она влюбилась?..

Женский крик заставил их разорвать поцелуй.

Глава 12

Этот крик ворвался в сознание Ленси, разогнал сладкий дурман, окутавший разум. Девушка вздрогнула. Попыталась вырваться из объятий мужчины, и тот, недовольно хмурясь, ее отпустил.

– Что-то случилось... – она оглянулась, движимая нехорошим предчувствием.

И оно ее не обмануло. У столика, где сидели ее сестры, уже толпилось несколько слуг, закрывая принцесс своими спинами.

– Тарес, – Роннар кивнул Ди Грейну, который все это время находился поблизости, молчаливый и неприметный, как тень, – узнай, что тамстряслось.

Капитан ньордов неслышно скользнул через зал, лавируя в нарядной толпе.

И Ленси тоже бездумно рванула за ним, подгоняемая тревогой за сестер. Но Роннар успел схватить ее за руку и прижать к себе, отрезая путь к бегству.

– Уже хотите покинуть меня? – услышала она насмешливый шепот. – Не рано ли?

Принцесса не оценила иронии.

– Там мои сестры! – пробормотала, не зная, стоит ли вырваться из объятий Владыки или это будет расценено как неуважение к его титулу. – Я должна им помочь!

– Будет лучше, если вы останетесь здесь, – голос Роннара внезапно утратил поддельную мягкость. В нем зазвучал холодный металл. – Со мной.

И его хватка стала еще сильнее.

Ленси с трудом сдержалась, чтобы не застонать. Ей показалось, что еще мгновение – и он просто сломает ей ребра.

Видимо, что-то отразилось у нее на лице. Потому что Роннар нахмурился, ловя ее взгляд, а потом ослабил объятия. Не выпустил из своих рук, но, теперь она смогла свободно вдохнуть.

– Я не хотел причинить тебе боль, – пояснил он. И в его устах это должно было звучать как извинение. – Не рассчитал. Забыл, какие вы хрупкие.

Она с удивлением глянула на него, но промолчала. Ее больше интересовал Ди Грейн, который уже пробирался назад.

Но он еще не успел преодолеть и середину зала, как толпа возле столика принцесс немного отхлынула, и Ленси увидела Дельфину. Та сидела на полу у стола, придерживая на коленях голову Лидии. Ее пышные юбки расплылись вокруг шелковой лужицей, а рядом на коленях стояла Даная и обмахивала веером лицо старшей принцессы.

– Что там? – Роннар озабоченно шагнул навстречу капитану.

Невольно принюхавшись, он сморщил нос, уловив запах едкой кальденской соли, который обычно приводили в чувство обморочных льер.

– Старшей принцессе стало дурно, – отрапортовал ньорд, вытягиваясь в струну перед императором. – Ей уже оказали помощь, повода для беспокойства нет.

Валенсия и без него уже поняла, что сестра потеряла сознание. Была ли это попытка привлечь к себе внимание или нервы старшей принцессы действительно не выдержали, но Ленси охватило чувство вины. Оно стиснуло горло, обрывая дыхание, заставило воздух застрять внутри колючим комком. Прижав руки к груди, в которой гулко билось сердце, она с раскаянием прошептала:

– Лидия меня никогда не простит. Я сломала ей жизнь...

– Хватит! – процедил Роннар с внезапной злостью. Схватив Ленси за плечи, хорошенько встряхнул, а потом заговорил тихим, жестким голосом, от которого у нее все тело покрылось ледяными мурашками: – Ты ничего никому не ломала. И ничего никому не должна. Мне известны ваши глупые обычаи, касательно первенства. Мой народ избавился от этих предрас-

судков еще тысячу лет назад. Главы кланов настаивали на этом браке, император драконов не может быть холост. Я должен либо уступить трон новому претенденту, либо жениться. Но я выторговал себе одну привилегию. Потребовал, чтобы мне предоставили всех принцесс. И выбрал тебя!

Ошеломленная его натиском, Ленси могла только хлопать ресницами и беззвучно открывать рот, будто выброшенная на берег рыба. Но в этот момент она с убийственной ясностью поняла одну истину.

Перед ней настоящий зверь. Хищник.

Как те инкарды, которые лишь с виду кажутся диковинными лошадаками, а на самом деле плотоядные ящеры, и в любую секунду из транспорта могут превратиться в убийц.

Так и он, император драконов. Холодный, расчетливый и жестокий. Ему не знакомо чувство любви, но он не хуже нее знает о долге. Их брак – не союз двух сердец, а союз двух государств, и ему, по большому счету, жена была не нужна.

Он сделал им всем одолжение. Ее отцу, ее стране, своим кланам. Выбрал ее, руководствуясь каким-то своим тайным умыслом. Но если кто-то посмеет встать у него на пути – сметет в тот же момент, растопчет как насекомое и пойдет дальше, ни разу не оглянувшись.

Ей стало больно и страшно от холода, что сквозил в его взгляде. Физически больно. Не выдержав, она тихо всхлинула.

Он ее отпустил.

Разжал пальцы, которые все это время железными клещами стискивали ее плечи.

Ленси невольно потеряла места его хватки. На нежной коже остались следы его пальцев, они отдавали тупой, ноющей болью.

Роннар проследил за ее движением. На плечах девушки наливались темные синяки. Он на секунду прикрыл глаза, пряча мелькнувшее в них замешательство. Снова не рассчитал.

Еще до того, как старшая принцесса Этрурии произнесла свою обличающую речь, надеясь поразить всех гостей, он знал, что с его альхайрой что-то не так. В ней чувствовалась примесь нечеловеческой крови. Слишком уж хрупкой она была, слишком прозрачной. Такой тонкой и бледной кожи не может быть у уроженки Этрурии. Не может быть таких светлых волос. Таких светлых глаз. Все ее сестры смуглые, темноволосые и темноглазые, поцелованные южным солнцем.

И вот теперь все разъяснилось.

Надо же. Кровь Первородных!

Он хмыкнул про себя. Но тут же вновь помрачнел.

С девчонкой нужно быть осторожным. Если в ней действительно пробудилась Древняя кровь, она не просто альхайра, ставшая его половинкой. Она не просто человеческая девственница.

В ней таится особый Дар, который однажды либо убьет ее, либо сделает равной ему.

Сестры помогли Лидии подняться на ноги. Но она лишь раздраженно отмахнулась от их участия.

После скандала, который она учинила, оставаться в зале было сродни унижению. Все, что она могла, это сохранить остатки достоинства и гордо уйти.

Но никто не уходит с императорского бала не спросив разрешения.

– Ваше Владычество, – она постаралась придать лицу безмятежное выражение, хотя внутри все бурлило от ярости, – прошу прощения, но мне придется покинуть ваш праздник. Мое здоровье...

Роннар остановил ее движением руки.

– Я вас не задерживаю, принцесса, – произнес сухим тоном, не скрывая своего отношения. – Надеюсь, ваше здоровье не ухудшится, если вы проведете эту ночь в прежних покоях? Дирижабль будет ждать на рассвете.

Это был не намек. Это была констатация факта. Император Ламаррии четко указал на двери принцессе Этрурии. Ей позволено задержаться на эту ночь. Но утром она должна покинуть пределы страны.

Такого Лидия не ожидала. Но спорить с правителем самого могущественного государства не решилась. С окаменевшим лицом сделала реверанс. А потом, раздраженно взмахнув юбками, направилась прочь.

Сестры поспешили за ней. Смущенные и растерянные, пряча глаза. Они не могли остаться после всего, что случилось. Слуги распахнули резные двустворчатые двери, выпуская их из бального зала.

На пороге она из девушек оглянулась. Отыскала глазами тоненькую фигурку в светлом платье, замершую рядом с венценосным даргом. И что-то шепнула. Так тихо, что никто не расслышал.

Но та, кому предназначались эти слова, поняла.

– Ты тоже прости меня, Дель, – беззвучно обронила Валенсия. – И будь счастлива...

Двери плавно сомкнулись, разделяя сестер. Разделяя жизнь младшей принцессы на «до» и «после».

А потом была музыка, были танцы. Были пышные, витиеватые поздравления от незнакомых людей и даргов. Придворные и гости замка проходили вереницей перед новоиспеченной женой императора. Кланялись, кто искренне, кто с легкой завистью, кто с высокомерием. Мужчины целовали ей руку, женщины делали реверанс.

Их было так много, что они смешались в череду серых пятен, размытых и обезличенных. Эта череда постепенно смыкалась в круг, становилась все ближе, превращаясь в сумасшедшую карусель. Пятна лиц мелькали все быстрее, сливаясь в одну полосу. И надвигались, надвигались на нее, угрожая погрести под собой.

Слабым утешением было лишь то, что она принимала поздравления сидя. Если бы стояла – то свалилась бы через полчаса, а может и раньше. Просто не выдержала бы напряжения, в котором ее вынуждала находиться толпа.

А ведь это был еще не конец. Вскоре предстояло новое испытание – встреча с отцом. Что будет, когда он узнает о том, что случилось? Неужели так же, как сестры, отвернется от нее?

Ленси боялась даже думать об этом. Она сидела в своем кресле, выпрямив спину, и улыбалась как истукан, принимая фальшивые комплименты и пожелания.

Ближе к рассвету слуги распахнули все окна, и свежий ветер ворвался в зал. Он принес с собой запахи ночного сада. Пронесся над полом, заглядывая девам под юбки, потрепал кружева и прически, освежил распаренные танцами лица. И затих, спрятавшись где-то в складках гардин.

Свежесть ночи наполнила зал. Сладкое благоухание лиловой вечерницы и маттиолы смешалось с терпким ароматом душистого табака.

– Смотри, – шепнул Роннар, склоняясь к своей альхайре.

Повинуясь его движению, она вскинула взгляд.

За восточным окном занималась заря. Огненно-красная, пронизанная алыми всполохами зарниц.

На светлеющем небе яркий багрянец очертил контуры скал, высветил их изнутри, точно они были хрустальными. Подкрасил бока облаков, дремавших на склонах. И над всем этим великолепием медленно и величаво поднимался пламенеющий шар.

Снова зазвучала музыка, и дарги закружили своих избранниц в последнем танце, подтверждая свой выбор. Некоторые пары потихоньку начали покидать зал, спеша на балкон, который опоясывал всю восточную сторону здания.

Там, перед ликом встающего солнца, призывая в свидетели новый день, каждый дракон просил согласия у избранницы. И получив его, расплетал ее косы, а потом надевал на голову деве брачный венец. По традиции это была личная вещь жениха – платок или шарф, то, что носилось у сердца и хранит в себе запах хозяина.

Так велел обычай их предков.

И только Валенсия продолжала сидеть, пожирая глазами встающее солнце.

– Пора, моя дорогая, – Роннар с необычайной нежностью коснулся ее щеки, поправляя непокорную прядь. – Ночь закончилась, Бал Невест тоже. Мои подданные сделали свой выбор. Как и я. Теперь вы моя жена перед смертными и богами.

– И... что же теперь?

Она смотрела на него широко раскрытыми очами, в которых застыло легкое удивление.

Он снова погладил ее щеку. На этот раз костяшками пальцев, едва касаясь и не позволяя себе забыть о хрупкости своей избранницы.

Дракон недовольно ворчал внутри. Ему претили подобные нежности, достойные только робких юношей. Он хотел сжать альхайру посильнее, почувствовать ее тело в своих руках. Вдохнуть аромат ее кожи и опьянеть от него. Избавиться от глупых тряпок, которыми люди так любят себя украшать. И прижаться к ней кожа к коже, чтобы ощутить каждый изгиб ее тела и почувствовать отклик.

Роннар был с ним полностью солидарен. Если бы не дурацкий этикет, предписывающий хозяину дома находиться на балу до рассвета, он бы давно сбежал. Схватил бы свое сокровище в охапку и улизнул из-под всевидящего ока охраны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.